

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Карамзинымъ

Ч А С Т Ъ I.

М О С К В А, 1802.

ВЪ Университетской Типографіи
у Люби, Гаря и Попова.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Я Н В А Р Ъ 1802.

№ 1.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо къ Издателю.

Искренно скажу себѣ, что я обрадовался намѣренію своему издавать Журналъ для Россіи, въ такое время, когда сердца наши, подѣ крошкимъ и благодушельнымъ правленіемъ юнаго Монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучивъ безпорядками и кровопролитіемъ, заключаетъ миръ, который по всѣмъ вѣроятностямъ будетъ твердъ и продолжителенъ; когда Науки и Художества въ быстрыхъ успѣхахъ своихъ обѣщаютъ себѣ еще болѣе успѣховъ; когда таланты, въ свободной пишинѣ и на досугѣ, могутъ заниматься всѣми полезными и милыми для души предметами; когда Липперашура, по настоящему расположенію умовъ,

болѣе нежели когда нибудь должна имѣть вліяніе на нравы и щастіе.

Уже прошли тѣ блаженные и вѣчной памяти достойныя времена, когда чтеніе книгъ было исключительнымъ правомъ нѣкоторыхъ людей; уже дѣятельный разумъ во всѣхъ соспояніяхъ, во всѣхъ земляхъ, чувствуетъ нужду въ познаніяхъ, и пребуетъ новыхъ, лучшихъ идей. Уже всѣ Монархи въ Европѣ считающъ за долгъ и славу быть покровителями ученія. Министры стараются слогомъ своимъ угождать вкусу просвѣщенныхъ людей. Придворный хочетъ слыть любилелемъ Литтературы; судья читаетъ, и стыдится прежняго непонятнаго языка Фемиды; молодой свѣтской челоувѣкъ желаетъ имѣть знанія, чшобы говорить съ пріятностію въ обществѣ, и даже при случаѣ философствовать. Нѣжное сердце милыхъ красавицъ находитъ въ книгахъ ту чувствительность, тѣ пылкія спрасти, копорыхъ напрасно ищетъ оно въ обожашеляхъ; матери читающъ, чшобы исполнить тѣмъ лучше священный долгъ свой — и семейство провинціального дворянина сокращаетъ для себя осеніе вечера чтеніемъ какого нибудь новаго Романа. Однимъ словомъ, если ли вкусъ къ Литтературѣ можетъ быть

названъ модою, то она теперь общая и главная въ Европѣ.

Чтобы увѣрился въ эпоху истинѣ, надобно только счестъ типографіи и книжныя лавки въ Европѣ. Опечество наше не будетъ исключеніемъ. Спроси у Московскихъ книгопродавцевъ — и ты узнаешь, что съ нѣкотораго времени торговля ихъ безпрестанно возрастаетъ, и что хорошее сочиненіе кажется имъ теперь золотомъ. Я живу на границѣ Азіи, за степями отдѣленными, и почти всякой мѣсяцъ угощаю у себя новыхъ *Ралсодовъ*, которые ѣздящъ по свѣту съ драгоценностями Руской Импературы, и продаютъ множество книгъ сельскимъ нашимъ дворянамъ. Доказательство, что и въ Россіи охота къ чтенію распространяется, и что люди узнали эту новую потребность души, прежде неизвѣстную. Жаль только, что недостаетъ таланта и вкуса въ *Артистахъ* нашей Словесности, копорыхъ перо по большой части весьма не заманчиво, и копорые не рѣдко во зло употребляютъ любопытство читателей! А въ Россіи Импература можетъ быть еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ: чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе; изящное шѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, и шѣмъ болѣе плодовъ приноситъ. Сколь

благородно , сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа , какъ Россійской ; развивать идеи , указывать новыя красоты въ жизни , питать душу моральными удовольствіями , и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ со благомъ другихъ людей ! И такъ я воображаю себѣ великой предметъ для Словесности , одинъ , достойный талантовъ.

Сколько разъ , читая любопытныя Европейскіе Журналы , въ которыхъ теперь , такъ сказать , всѣ лучшіе Авторскіе умы *на сценѣ* , желалъ я внутренно , чпобы какой нибудь Руской Писатель вздумалъ и могъ *выбирать* пріятнѣйшее изъ сихъ иностранныхъ цвѣтчиковъ и пересаживать на землю отечественную ! *Согнать* Журналъ одному трудно и невозможно ; достоинство его состоитъ въ разнообразіи , котораго одинъ талантъ (не исключая даже и Вольперова) никогда не имѣлъ . Но разнообразіе пріятно хорошимъ выборомъ ; а хорошій выборъ иностранныхъ сочиненій пребудетъ еще хорошаго перевода . Надобно , чпобы пересаженный цвѣшокъ не лишился красоты и свѣжести своей .

Ты какъ будто бы угадалъ мое желаніе , и какъ будто бы *нарочно для меня* взялся исполнить его . Слѣдственно я долженъ быть благодаренъ , и не могу уже

съ Цинической грубостію спросить: „господинъ Журналистъ! можешь ли ты удовлетворишь всѣмъ требованіямъ вкуса?“ Но между тѣмъ благодарность не мѣшаетъ мнѣ подать тебѣ дружеской совѣтъ въ разсужденіи обѣщаемой побой Крипики.

А именно: совѣтую тебѣ быть не сколько *осторожнымъ*; сколько *человѣколюбивымъ*. Для истинной пользы Искусства Арписъ можетъ презирать нѣкоторые личныя непріятности, которыя бывають для него слѣдствіемъ искренняго сужденія и оскорбленнаго самолюбія людей; но точно ли Крипика научаетъ писать? не гораздо ли сильнѣе дѣйствуютъ образцы и примѣры? и не вездѣ ли таланты предшествовали ученому, спорогому суду? *La critique est aisé, et l'art est difficile!* Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая крипика на дурныя книги! — Съ другой стороны вообрази бѣднаго Автора, можетъ быть добродушнаго и чувствительнаго, котораго новой Фреронъ убиваетъ однимъ словомъ! Вообрази тоску его самолюбія, бессонныя ночи, блѣдное лице!... Не знаю, какъ другіе думаютъ; а мнѣ не хотѣлось бы огорчить челоуѣка даже и за *Милорда Георга* (*),

---

(*) Можетъ быть глупѣйшій изъ Рускихъ Романовъ.

пять или шесть разъ напечатаннаго. Глупая книга есть небольшое зло въ свѣтѣ. У насъ же шакъ мало Авторовъ, что не споймъ труда и пугать ихъ. — Но естьли выдешъ нѣчто изрядное, для чего не похвалять? Самая умѣренная похвала бываетъ часно великимъ ободреніемъ для юнаго таланта. — Таковы мои правила!

Поздравляю себя съ новымъ, ипшломъ *Полишика*; надѣюсь шолько, что эта часъ Журнала, ко шаспію Европы, будетъ не весьма богата и любопытна. Что для кисти Вернеповой буря, то для Полишика гибель и бѣдствіе государствъ. Народъ бѣжинъ слушать его, когда онъ, сидя на своемъ презубцѣ, описываетъ раздоры Власпей, движеніе войска, громы сраженій и спонъ милліоновъ; но когда громы умолкнушъ, всѣ помиряшся, и все запихнешъ: тогда народъ, сказавъ: *finita è la comedia!* идетъ домой, и Журналистъ осмашся одинъ съ листами своими!

II.

Альцибиадъ къ Периклу.

Я не знаю, великій Периклъ, къ чему боги опредѣлили меня; знаю только, что они съ самаго моего дѣтства были ко мнѣ опмѣнно милостивы, даровавъ Альцибиаду въ тебѣ родственника, а въ Сократѣ наставника. Вы оба равно учили меня: онъ мудрыми словами, ты славнымъ приѣромъ своимъ.

Чтобы возбудить въ душѣ моей дѣятельную ревность, Сократъ спавилъ мнѣ тебѣ въ образецъ, а ты велишь мнѣ всегда подражать ему, чтобы быть достойнымъ своимъ родственникомъ. Ахъ! тебѣ не нужно хвалить Сократа. Я слушаю его съ восторгомъ; люблю его какъ второго отца моего. Его образъ и наставленія всегда въ моемъ сердцѣ; день и ночь думаю о послѣднихъ — которыя часто бывають предметомъ и самыхъ сновидѣній моихъ. Расскажу тебѣ одно изъ нихъ. Великій Периклъ! внимай мнѣ.

Въ первый день Гекатомбѣ, совершивъ мое жертвоприношеніе, гулялъ я за городомъ и наслаждался прекраснѣйшимъ днемъ весеннимъ. Близъ Пролиды встрѣтилось мнѣ множество Софисповъ, кошо-

рыми Аѳины наполнены, и которыхъ власть своя по сіе время не могла унять. „Какъ!“ думалъ я: „вездѣ Софисты! Развѣ имъ мало того, чѣобы въ театръ, на площадяхъ и подѣ Аѳинскими Портиками оглушаютъ насъ своимъ крикомъ? Не уже ли и за городомъ не возможно оубъ нихъ укрыться?“ — Я хотѣлъ возвратиться въ Аѳины; но Лизандеръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Любезной другъ! тамъ, подѣ высокими деревьями, Аѳинскіе юноши внимаютъ Павзанію, который говоритъ похвальное слово нашему великому Темиспоклу.“ — Я неохотно пошелъ за нимъ. Орапоръ говорилъ съ великимъ жаромъ, а слушатели внимали въ глубокой тишинѣ. Но признаюсь, что мнѣ, питомцу великаго Перикла и Сократа, были противны сіи громкія, но бессмысленныя выраженія, сіи безпрестанныя восклицанія и гиперболическія фигуры, которыя составляютъ искусство почти всѣхъ нынѣшнихъ Орапоровъ. Я послушалъ нѣсколько минутъ, и пользуясь общимъ вниманіемъ, непримѣтно удалился, чѣобы отдохнувъ на двѣшущихъ берегахъ Цефиза.

Прекрасный лугъ, журчащая рѣчка, полуденный жаръ, сѣнистыя древа скло-

нили меня ко сну. — Теперь начинается мое сновидѣніе.

Я очутился — не зная, какъ — на большомъ театрѣ, наполненномъ множествомъ зрителей. Тамъ были Греки въ мантіяхъ, Талпары въ звѣриныхъ кожахъ, Персіяне въ богатой одеждѣ, оружіемъ покрытые Галлы и почти нагѣ Индѣйцы. Удивляясь различію сихъ народныхъ одеждъ, я вдругъ увидѣлъ Сократа, ко мнѣ идущаго, и обрадовался въ душѣ моей. „Не удивляйся“, сказалъ онъ: „види мое тобою есть образъ міра. Каждый смертный есть актеръ и зритель. Одни смѣются тому, о чемъ другіе плачутъ. Одни съ важностію занимаются игрушками, а другіе играютъ судьбою и жизнью людей. Мудрый все наблюдаетъ, ни чему не дивится, и старается дѣйствіемъ разума исправлять пороки, умѣрять страсти, помогать несчастнымъ. Если хочешь, по мы вмѣстѣ осмотри всѣ части шумной сцены.“ — Я съ радостію согласился.

Сперва вошли мы въ мирповыя и яминныя бесѣдки, гдѣ прелестныя Нимфы плели вѣнки. Одна изъ нихъ съ хипрою улыбкою подала мнѣ вѣнокъ и благовонною водою наполненную чашу. „Сіи цвѣты и вода ядовиты“, сказалъ

Сократъ, и отвелъ меня отъ Нимфъ прелестныхъ. Попомъ увидѣли мы людей, которые, окружая золотую лѣсницу, старались всходить по ней, а еще болѣе свергали другихъ. Стоящіе внизу бросали камнями вверхъ, и многіе несчастные съ самой вышней ступени капались внизъ по лѣсницѣ, означая кровью слѣды свои. Сократъ сказалъ: „Опасно быть выше всѣхъ.“

Далѣе — дорога раздѣлилась. Тамъ нѣсколько человѣкъ съ великимъ трудомъ всходили на крупую гору; путь безчисленное множество людей бѣжало по гладкому и широкому пути. „Куда?“ спросилъ я у заднихъ. „Не знаемъ“, отвѣчали они: „мы бѣжимъ за передними; другіе побѣгутъ за нами“. Какое-то странное движеніе сердца заставило меня выйти въ слѣдъ за ними. Вдругъ раздался голосъ: „здѣсь путь истины и свѣта!“ Я бросился въ ту спорную; но неизвѣстной человѣкъ схватилъ меня за руку, сказалъ повелительнымъ голосомъ: „поди за мною!“ и мы очутились въ дремучемъ лѣсу.

Дорога исчезла. На каждомъ шагу встрѣчались намъ бѣдные странники, подобно намъ не знающіе пути. У нихъ также были вожаки, которые, не зная

куда вести, съ горя дрались между собою. Изъ ихъ факеловъ сыпались искры; но онѣ болѣе ослѣпляли, нежели освѣщали насъ. Я слѣдовалъ то за однимъ, то за другимъ, и всякимъ былъ обманутъ. Одинъ говорилъ: „нашъ путь ведетъ къ безсмертію!“ и мы черезъ минушу оба падали въ яму. Другой кричалъ: „со мною пройдешь всюду!“ и мы ударялись лбомъ въ мѣдную стѣну. Одинъ безпрестанно славилъ мнѣ пріятности запаха вѣка и совершеннаго равенства между людьми, въ то самое время, когда я умиралъ отъ усталости, жажды и голода. Другой восклицалъ: „какъ блаженна независимость!“ и требовалъ отъ меня слѣпаго повиновенія. Я лишился терпѣнія; опчаяніе овладѣло мною. . . . .

Но Сократъ опять явился, и душа моя воскресла. „Ты видѣлъ часть нашихъ „Софистовъ,“ сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою: „они не любятъ меня, ибо я люблю „правду.

„Ихъ невѣжество и высокомеріе не терпятъ нашей смиренной меподы: не удивляюсь. Но то единственно удивляетъ меня, „что большее число людей, и самые разумные называютъ Философами сихъ Эмпириковъ, которыхъ можно только назвать „спыдомъ Философіи. Всемогущіе боги! я

„скорѣе умру, нежели соглашусь, чтобы
 „Софисты были истинные мудрецы; тѣ,
 „которые, обѣщая все привести въ поряд-
 „докъ, все разрушили и погубили!

„Имѣя способность говорить о всѣхъ
 „предметахъ; они утверждаютъ, что
 „истина и ложь есть только условіе.

„Имѣя умъ ограниченный, говорятъ,
 „что безконечное есть одна мечта.

„Не разумѣя таинствъ Природы,
 „дерзостно отвергаютъ бытіе Творца ея.

„Родясь въ недоспапкѣ и бѣдности,
 „проповѣдуютъ общеспвенность имѣній.

„Зная нѣкоторыя выраженія Гермо-
 „шина, Талеса и Протагора, именуютъ
 „себя наставниками рода человѣческаго;
 „но въ самомъ дѣлѣ хоятъ бытъ его
 „тиранами.

„Любезный Альцибиадъ! будемъ всегда
 „оплачивать людей отъ словъ ихъ, а Со-
 „фистовъ отъ Философовъ, чтобы воз-
 „вратить Философїи ту честь и славу,
 „которую ложные мудрецы хотѣли у нее
 „навѣкъ похитить!

„Философъ любитъ человѣчество и
 „добродѣтель. Софистъ только хвалитъ
 „добродѣтель и человѣчество.

„Философъ полагаетъ щастіе въ томъ,
 „чтобы служить отечеству, друзьямъ
 „и родственникамъ. Софистъ жертвуетъ

„родспивенниками, друзьями и опечествомъ
„для ушверженія мнѣній своихъ.

„Философъ думаетъ, что Религїи
„благодѣшельны, и что въ Индіи должно
„обожать Брамму, въ Экбапанѣ Оромацеса,
„въ Феникїи Адоная, въ Греціи Зевса.
„Софистъ говоритъ, что Религїи вредны,
„и забывая, въ чемъ онѣ состоятъ, дока-
„зываетъ только вредъ грубаго суевѣрія.

„Философъ думаетъ, что быть хоро-
„шимъ гражданиномъ есть быть хоро-
„шимъ опцомъ, супругомъ, сыномъ. Со-
„фистъ утверждаетъ, что папрїотизмъ
„долженъ испребить всѣ природныя склон-
„ности.

„Часто кричатъ Софисты: *погибни
„мїръ, но торжествуй система!*

„Философъ говоритъ: *если бы всѣ
„истины были у меня въ рукѣ, то я
„любоялся бы разжать ее.*

„Надобно угождать народу, непре-
„спанно швердятъ Софисты.

„Надобно сдѣлать его благополуч-
„нымъ, говорятъ Философы.

„Самое лучшее правленіе, по ихъ
„мнѣнію, есть то, котораго душа есть
„правосудіе или справедливость. По мнѣ-
„нію Софистовъ, тамъ вездѣ ширанство,
„гдѣ они не царствуютъ.

„Послушай Софистовъ: Периклъ пи-
 „ранъ своего опечества! Послушай Фило-
 „софовъ: Периклъ ееть герой и благодѣ-
 „тель народа своего.

„Послушай Софистовъ: нѣтъ вольно-
 „сти безъ Демократіи. Послушай Фило-
 „софовъ: нѣтъ Демократіи безъ смя-
 „теній.

„Послушай Философовъ, и ты узна-
 „ешь, что свобода, справедливосшь, му-
 „дросшь и щаспїе, какъ для государствъ,
 „такъ и для каждаго человѣка особенно,
 „въ своихъ дѣйствїяхъ непремѣнно дол-
 „жны быть различны.

„Послушай Софистовъ: они скажутъ
 „тебѣ, что свобода ееть необузданносшь,
 „справедливосшь личная польза, а му-
 „дросшь щаспливый успѣхъ.

„Таковы главныя различїя между ими!“

Сократъ пылалъ ревностїю. Я вни-
 малъ ему съ живѣйшимъ удовольствїемъ.
 Но Лизандеръ вдругъ разбудилъ меня.
 Театръ, народъ, Софисты и Сократъ —
 все, исчезло; но мудрыя слова моего учи-
 теля оспануся навѣки въ моей памяти.

(Изъ Архенгольцовой Минервы.)

III.

Народный Британскій Памятникъ.

Дѣла Англичанъ на морѣ, особливо въ послѣднюю войну, достойны удивленія. Непунъ казался работъ ихъ, или по крайней мѣрѣ самымъ ревностнымъ другомъ. Никто не смѣлъ разоборствовать съ ними — или гибель была наказаніемъ дерзкому. Но . . . въ мѣрѣ все перемѣняется, и вышняя степень бываетъ не рѣдко ближайшею къ паденію. Сія меланхолическая мысль представилась нѣкогда Англійскимъ папріотамъ и возбудила въ нихъ желаніе соорудить монументъ великихъ побѣдъ Британіи, который могъ бы пережить славу ея, и краснорѣчиво бесѣдовать съ вѣками. Составился Комитетъ — открылась подписка — деньги посыпались, и лучшіе художники приглашены были сообщить свои идеи о такомъ важномъ предметѣ. Извѣстный художникъ Флакманъ пишетъ къ Членамъ Комитета слѣдующее:

„Милорды и Господа!

„Древніе могутъ быть въ Искусствѣ
 „нашими образцами. У нихъ были раз-
 „ные народные памятники; но самымъ
 „славнѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ

„должно безъ сомнѣнія признашь ихъ колос-
 „сальныя статуи, монументъ силы и
 „безсмертія талантовъ. Мы приходимъ
 „въ изумленіе, слыша отъ Плинія, что
 „въ городѣ Родосѣ было сто огромныхъ
 „статуй, и что каждая изъ нихъ слу-
 „жила украшеніемъ особой площади.
 „Въ извѣстіяхъ, оставленныхъ намъ
 „Древними о семъ родѣ художественныхъ
 „произведеній, всего болѣе удивляетъ
 „насъ Лизипповъ Юпитеръ, вышиною
 „въ 60 фузовъ, вылитый изъ мѣди и
 „споявшій въ Римѣ передъ Помпеевымъ
 „Театромъ. Плиній называетъ его луч-
 „шею изъ всѣхъ огромныхъ статуй, ко-
 „торыя, подобно башнямъ, возвышались
 „тогда въ столицѣ міра. Фидіасовъ Юпи-
 „теръ, сдѣланный изъ слоновой кости и
 „золота, и предсавленный сидящимъ,
 „былъ вышиною также въ 60 фузовъ;
 „къ сей вышинѣ прибавилось бы еще 12
 „фузовъ, еслибы онъ споялъ на но-
 „гахъ. Аѳинская Минерва, сдѣланная
 „также изъ слоновой кости и золота,
 „держала въ рукѣ статую Побѣды въ
 „шести фузовъ величиною. Но самую
 „огромнѣйшею изъ древнихъ статуй былъ
 „мѣднй солнечной - колоссъ на островѣ
 „Родосѣ, вышиною 105 фузовъ. Древніе
 „не щадили ни денегъ, ни трудовъ, чтобы

„предспавитъ достойнымъ образомъ благо-
 „дѣтельное божество или Генія опече-
 „сва.

„И такъ не лучше ли всего соору-
 „дитъ колоссальную статуу по образцу
 „Аѳинской Минервы и равной мѣры съ
 „Родосскимъ Колоссомъ? Она изображала
 „бы или Генія Брипанскаго государ-
 „ства, или поржесивующую Британнію.
 „Ее надлежало бы поспавитъ на сораз-
 „мѣрный пьедесталь, а сей утвердитъ
 „на величественномъ основаніи или базѣ.
 „Пьедесталь можно украситъ изображе-
 „ніями Англійскихъ Героевъ и профеевъ,
 „а нижнюю часть историческими надпи-
 „сями. Весь же монументъ былъ бы тогда
 „вышиною въ 250 футовъ — и міръ, из-
 „умленный славою Британніи, съ благо-
 „говѣніемъ возрѣлъ бы на сей достойный
 „ея памятникъ.“

Идея величественна, и въ исполненіи
 своемъ могла бы подлинно удивитъ міръ.
 Увидимъ, произведетъ ли Англійская на-
 родная гордость такое чудо!

IV.

Исторія Французской Революціи, избранная изъ Латинскихъ Писателей.

Нѣсколько ученыхъ Французовъ издали сей опытъ Исторіи, столь любопытный. Они не прибавляютъ ни слова къ Латинскимъ Классикамъ, переводятъ ихъ и спавяютъ внизу текстъ. Волъ ихъ предисловіе :

„Французская Революція ждетъ еще своего Историка, и долго будетъ ждать его; ибо собраніе анекдотовъ и рѣчей не есть Исторія. Не прудно выбирать изъ множества матеріаловъ и описывать то, что собственныя глаза наши видѣли; но какой умъ можетъ достойнымъ образомъ передать попомслву изображеніе славы и стыда нашего, щасливыхъ успѣховъ и бѣдствій? Чья кисть представитъ живо ужасныя явленія, столь горестныя для человечества, и чудеса храбрости, разума и геройства?

„Писатель, могущій предпріять такое великое дѣло, долженъ еще - родиться! Пока Небо не даруетъ намъ сего Генія, мы можемъ по крайней мѣрѣ находить главныя черпы нашей Исторіи въ славнѣйшихъ Классикахъ древности.

Тацитъ , Саллустій , Цицеронъ , Титъ-Ливій , Светонъ , В. Панперкулъ , Аваль-Геллій, описывая людей своего времени, часто насъ изображали. Многія мѣста въ ихъ сочиненіяхъ суть вѣрные зеркала, въ которыхъ мы себя видимъ. Сходство такъ велико , что оно изумляетъ и протраетъ до глубины сердца. Это истинное пророчество, которому надлежало бы привести насъ въ разсудокъ и предупредить многія бѣдствія ; ибо здѣсь видимъ не легкія случайныя подобія , но цѣлыя и великія картины , которыя между собою сходны для того , что человѣческая природа во всѣ времена одинакова.

„Естьли одни сходства и странная игра судьбы занимаютъ иногда умъ нашъ, но не гораздо ли еще любопытнѣе изображеніе дѣйствій , производимыхъ одною , всегдашнею , неизмѣнною причиною во всѣхъ вѣкахъ? Человѣческое сердце покороено вѣчнымъ законамъ. Какъ физическій, такъ и моральный міръ слѣдуетъ нѣкоторымъ правиламъ , которыхъ не премѣняетъ время. Въ вѣкъ Тацитовъ разъяренный народъ безумствовалъ такъ же, какъ и въ нашъ вѣкъ. Цицеронъ жаловался, что добрые люди боязливы: мы то же сказать должны. Что Дезе и Клеберъ въ одинъ

день и почти въ одинъ часъ умираютъ (*), по есць дѣло случая, которой опинялъ у Франціи двухъ храбрыхъ военачальниковъ. Но когда я вижу народы, въ одинакихъ обстоятельствѣхъ однимъ образомъ поступающіе, впрочемъ различные нравами, обыкновеніями и вѣками: тогда узнаю родъ человѣческой, и сужу о немъ. Факелъ опыта освѣщаетъ меня, и я говорю всѣмъ суетными системами оболыщеннымъ Полишикамъ: *читайте Исторію!*

„По крайней мѣрѣ бѣдствія наши помогутъ намъ лучше разумѣть ее. Прежде Революціи древняя Исторія была для насъ однимъ любопытнымъ Романомъ. Мы хвалили историческія кѣртины какъ произведенія великихъ талантовъ; но такая хвала была для Генія древнихъ Авшоровъ одною пустою жертвою. Греки и Римляне казались намъ людьми особливаго роду. Мы воображали, что Историки болѣе думали о сильныхъ чертахъ, нежели о сходствѣ; по крайней мѣрѣ ихъ духъ и правила считались только собственностію ихъ отечества и вѣка. —

(*) Первой въ Италіи, другой въ Египтѣ. Дезе есць испинный герой славнаго Маренгскаго дня, которой рѣшилъ судьбу Италіи. Клеберъ командовалъ въ Египтѣ ясолъ Бонапарше.

Но опытъ заставилъ насъ почтнуть въ нихъ наставниковъ рода человеческого.

„Предлагаемъ Публикѣ избранныя нами изъ Древнихъ мѣста, въ которыхъ описаны всѣ важнѣйшія эпохи нашей Революціи: 2 Мая 1789, 14 Июля, 20 Июня, 10 Августа, 2 Сентября, 21 Января, правленіе Роберспьера, Вандейская война, 9 Теридора, 15 Вандеміера, 18 Фрюкпидора и даже 18 Брюмера (*). Всѣ описательства изображены ихъ собственными красками; и всякому покажется, что эпо въ наши дни писано.“ — —

10 Августа 1792 года описывается словами Тацита, Саллустія, Светона и другихъ (**), слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ, ознаменованные безчестіемъ и стыдомъ; всѣ распочинели опцевскаго наслѣдія; всѣ, выгнанные за гнусные пороки изъ опечесства, спеклись въ безпокойную столицу. Они произвели мяшежъ, и, не имѣя начальника, успремились ко дворцу Монарха. Вездѣ слышны были

(*) Дни извѣстные во Французской Революціи. 10 Авг. народъ взялъ приспущенъ Тюльери. 18 Брюмера Бонапарше присвоилъ себѣ всю власть.

(**) Sal. in Bello Cat. опдѣл. 37, Свет. in Othon. опдѣл. 8, Вирг. въ Энеидѣ, 2 книг., и Тац. въ Исп. кн. 1, опдѣл. 85. кн. 3. опдѣл. 66, 67, 68 и 83.

„угрозы и снукъ оружія. Мятежники
 „ворвались во дворець и умертвили внѣш-
 „нюю спражу. Между тѣмъ другіе хо-
 „пятъ зацѣпить Царское жилище, и съ
 „новою ревностію сражающіяся; хэпятъ под-
 „крѣпить слабыхъ числомъ, но сильныхъ
 „мужествомъ.“

„Народъ остается свидѣтелемъ бит-
 „вы, и какъ будто бы веселяся театраль-
 „нымъ позорищемъ, ободряетъ по однихъ,
 „по другихъ, своими восклицаніями. Ви-
 „дя побѣжденныхъ, онъ съ великимъ кри-
 „комъ требовалъ, чтобы бѣгущіе преданы
 „были смерти, и присвоивалъ себѣ добы-
 „чу, оснаваемую воинами, которые съ
 „яростію занимались убійствомъ. Сполица
 „представляла ужасное зрѣлище. Здѣсь
 „битва и раны, шамъ пиръ и веселье;
 „на грудѣ окровавленныхъ труповъ без-
 „спыдныхъ женщины обнимались съ юно-
 „шами. Однимъ словомъ, все распущенна,
 „которыя бывають слѣдствіемъ порочныхъ
 „нравовъ въ мирное время, и все ужасы
 „завоеванной страны, совокупно предспа-
 „вляли въ единомъ градѣ образъ несбуздан-
 „ности и свирѣпства. Въ то же самое
 „время являлось какое-то страшное спо-
 „койствіе на лицахъ, и народныя забавы
 „не прерывались. Казалось, что ужасъ
 „былъ ихъ новою прелестію. Народъ, не

„думая о предметѣ кровопролитія, въ
 „изступленіи своемъ веселился общимъ
 „бѣдствіемъ.

„Между тѣмъ внутри черпоговъ раз-
 „давалось спенаніе, царствовалъ мятежь
 „и безпорядокъ. Монарху представляли,
 „что онъ долженъ показать себя достой-
 „нымъ великихъ предковъ своихъ; что
 „самое опчаяніе должно быть его крѣпо-
 „стію; что войны еще вѣрны, и народъ
 „не врагъ ему; что самое ужасное для
 „него бѣдствіе есть то, въ которое
 „онъ самъ себя ввергаетъ; что смерть
 „можетъ быть слѣдствіемъ его обороны,
 „но что и покорность не спасетъ его
 „жизни; что отъ него зависить выборъ:
 „умереть отъ руки палача, или на полѣ
 „чести.

„Монархъ не внималъ отважнымъ и
 „рѣшительнымъ совѣтамъ; но сердце его
 „спрадало за дѣтей и супругу. Мысль,
 „поручить ихъ жизнь милосердію раздра-
 „женнаго сопротивленіемъ непріятеля,
 „ужасала его. Окруженный семействомъ,
 „вышелъ онъ изъ черпоговъ въ печальной
 „одеждѣ, въ глубокой горести. За нимъ не-
 „сли (подобно какъ на погребеніи) сына
 „его, еще младенца. Тщепно нѣкоторые
 „изъ народа изъявляли чувствительность

„къ судьбѣ Монарха. Воины соблюдали
„грозное молчаніе.

„Какое сердце могло бы не пронуть-
„ся такую премѣною судьбы человѣче-
„ской? Государь, еще не давно первый
„въ мірѣ, оставляетъ мѣсто своего вели-
„чія, идетъ среди народа, по стогнамъ
„града, сложивъ съ себя правленіе и цар-
„ское достоинство. Никогда подобнаго не
„видали, никогда подобнаго не слышали
„люди. Среди собищеннаго его Сената,
„среди воиновъ и самыхъ женщинъ, про-
„изнесъ онъ краткую рѣчь о своемъ горе-
„стномъ положеніи, и торжественно объ-
„явилъ, что изъ любви къ миру и для
„общаго блага покоряется, желая поль-
„ко, чтобы его помнили, и сжалились
„надъ его супругою и дѣтьми малолѣт-
„ными.“

21 Января, сей навѣки черный
день во Французской Исторіи, описанъ
изъ Тацита, съ нѣкоторыми прибавленіями
изъ Типа Ливія и Вел. Паперкула.

„Нещаснаго влекли на лобное мѣсто.
„Всѣ иѣ, которые могли видѣть и слы-
„шать его, съ ужасомъ удалялись. Ули-
„цы и площади казались обширною пу-
„стынею. О цѣкожъ нѣкоторые выходили
„опянь изъ домовъ, спрашась того, что
„они изъявили ужасъ.

„Между шѣмъ поздравляли Сенатъ ,
 „что онъ наказалъ врага Республики. Tacit.
 Ann. Lib. 4. Art. 70.

„Смерть его поразила умы какъ въ
 „провинціяхъ , такъ и въ странахъ со-
 „сѣдственныхъ. Цари и народы оплакива-
 „ли сего Монарха , столь добродушнаго
 „прошивъ союзниковъ и кропкаго прошивъ
 „самыхъ враговъ; Монарха , котораго видѣ
 „и слова вселяли почтеніе — которъ
 „на вышней степени не зналъ гордости ,
 „всегда ненавистной , и только одно нуж-
 „ное для власни величіе показывалъ.
 Tacit. Annal. Lib. 2. Art. 72.

„При семъ случаѣ въ храмахъ совер-
 „шали жертвоприношеніе. Упоминаемъ о
 „семъ для того , чтобы попомство , ко-
 „торое свѣдаетъ отъ насъ или другихъ
 „Писателей исторію временъ ужасныхъ ,
 „замѣшило , что всякое пиранское изгна-
 „ніе , всякое убійство , было тогда пред-
 „метомъ благодаренія и жертвъ ; что
 „прежде знаменовало благо народное , то
 „знаменовало уже народныя бѣдствія.
 Tacit. An. Lib. 14. Art. 64.

„Народъ долженствовалъ клятвою
 „уничвожить Царское достоинство , и
 „всѣ Принцы были изгнаны закономъ.
 Tit. Liv. Lib. 2. Art. 2.

„Смерть Монарха не была началомъ
 „мира, но произвела единое перемиріе.
 „Вооруженные побѣдители бѣгали изъ
 „улицы въ улицу, и гнали побѣжден-
 „ныхъ съ яростною злобою; на площадяхъ
 „и въ храмахъ лилася кровь; смерть
 „вездѣ искала жертвъ своихъ. Осмапри-
 „вая, дома, извлекали опшуда пѣхъ,
 „которые въ нихъ скрывались. Всякій
 „благовидный юноша, гражданинъ или
 „воинъ, былъ умерщвляемъ. Сія лю-
 „пость, которая въ первомъ жару копѣ-
 „ла шолько крови, обратилась послѣ въ
 „хищность. Ничто не оспалось въ цѣлоспи;
 „побѣдители срывали замки, будто бы для
 „того, что жилили укрывающіе друзей Мо-
 „нарховыхъ; они насильственнымъ образомъ
 „обыскивали дома, и смерть была слѣд-
 „ствиемъ сопротивленія. Гнусная чернь
 „поржеспвовала. Подлые слуги доносили
 „на господъ своихъ, и указывали скрытыя
 „драгоценности; на нѣкоторыхъ доносили
 „и самые друзья ихъ. Вездѣ стонъ, вопль
 „опчаянія и ужасы взятаго приступомъ
 „города. Начальники, сами воспаливъ вой-
 „ну междоусобную, не могли уже остано-
 „вить злыхъ людей, которыхъ бываетъ все-
 „гда болѣе числомъ въ смятеніяхъ; къ сохра-
 „ненію же порядка нужны добродѣтели.
 Tacit. Hist. Lib. 4. Art. 1.

„Осужденіе пало не только на вра-
 „говъ порожествующей стороны, но и на
 „великое число гражданъ совѣмъ невин-
 „ныхъ. Опредѣлили взять ихъ имѣніе,
 „продать, дѣпей лишить родительскаго
 „наслѣдства и всѣхъ правъ на граждан-
 „скія достоинства: несправедливость без-
 „примѣрная! ибо дѣпи Сенапторскія дол-
 „женствовали въ то же время плашиться за
 „родъ и санъ свой, копорыхъ выгоды у
 „нихъ опнимались. Vell. Paters. Lib. 2.
 Сар. 20.

„Опъ сего произошелъ общій недоспа-
 „нокъ въ деньгахъ; ибо послѣ безчислен-
 „ныхъ осужденій и продажъ все серебро и
 „золото вошло въ казну. Tacit. Anna. Lib.
 „6. Art. 17.

„Морскія вооруженія, наборы солдатъ,
 „приготовленіе оружія, были предметомъ
 „общей дѣятельности и безпокойства. Но
 „всего болѣе ужасалъ заговоръ противъ
 „богатства гражданъ. Муціанъ часто
 „говорилъ, что злато есть душа войны;
 „и по тому въ допросахъ никогда не ду-
 „малъ онъ о винѣ или невинности, но
 „хотѣлъ только знать объ имѣніи суди-
 „маго. Со всѣхъ сторонъ доносили, и
 „каждый богатый человекъ былъ цѣлю
 „грабежа. Tacit. Hist. Lib. 2. Art. 84.

„Ежедневно умножалось число нещасныхъ. Всякое семейство спрдало отъ злобныхъ привязокъ доноса. Жестокіе уставы слѣдовали за необузданностію. Италіянская и скоро потомъ междоусобная война не могла остановить сего беспрестаннаго умноженія законовъ. Правительство занималось уже не гражданами вообще, но лично шѣмъ или другимъ гражданиномъ. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе законовъ имѣла Республика, тѣмъ хуже была она.“ Tacit. Annal. Lib. 3. Art. 25 — 27.

Вандейская война въ 1793 году.

„Почти въ каждомъ городѣ шилось сѣмя бунта. Но первые мятежники были жители Туренскіе. Военачальникъ, прошивъ ихъ отправленный, побѣдилъ ихъ съ помощію Ліонскаго гарнизона и Легіонныхъ войскъ, присланныхъ къ нему Варрономъ изъ Маинца. Tacit. Annal. Lib. 3. Art. 41.

„Виною мяшежа былъ отчасти характеръ жителей и нехотѣніе ихъ отправлять молодыхъ людей въ наши арміи. Они говорили: *мы и Королямъ повиновались только, когда хотѣли; естѣль*

„давали имъ войско, то оно было подъ на-
 „гальствомъ собственныхъ вождей нашихъ,
 „и не ходило никогда далеко. Всякой разъ,
 „приступая къ непріятельскимъ дѣй-
 „ствіямъ, они объявляли намъ чрезъ по-
 „словъ, что готовы усмириться и быть
 „нашими союзниками, еслили не хотимъ
 „ничѣмъ новымъ, обременять ихъ; но
 „еслили мы намѣрены поступать съ ними
 „какъ съ рабами и побѣжденными, то у
 „нихъ есть желѣзо, молодые воины и
 „сердца, хотящія свободы или смерти; —
 „Говоря съ гордосцію, указывали они на
 „неприспущные заики свои, безднами
 „окруженные, гдѣ были отцы и жены
 „ихъ: мѣста ужасныя и дикія, гдѣ все
 „угрожало кровопролитною и бѣдственной
 „войною!“ Tacit. Annal. L. b. 4. Arg. 46.

Правленіе Робертсверово.

„Какой провинціи, какого стана не
 „обогриль онъ кровію, или, по словамъ
 „его, не очистилъ, не исправилъ? ибо
 „то, что другіе называютъ преступле-
 „ніемъ, именуемъ онъ мѣрою общеспвен-
 „наго блага; злоупотребляетъ слова, счи-
 „паетъ лютость твердосцію, жорысто-
 „любіе бережливосцію, ужасы и смерпо-

„убійства мудрыми способами правленія.“
 Tac. Hist. Lib. 1. Art. 37.

„Все спало подозрительно; въ самыхъ
 „вѣдрахъ семейства надлежало бояться.
 „Но внѣ дома обнаруживалось безпокой-
 „ство гражданъ во всей силѣ. Когда
 „Правительство обнародывало извѣстія,
 „тогда должно было наблюдать видъ и
 „движенія свои, чтобы въ опасныя мину-
 „ты не оказати излишняго страха, или
 „при извѣстїи о побѣдѣ не мало обрадо-
 „ваться.“ Tacit. Hist. Lib. 1. Art. 85.

„Осужденныхъ заключали въ тем-
 „ницы; повелѣвали казнить ихъ. Уже
 „препещутъ родственники несчастныхъ!
 „Не дозволяютъ имъ видѣться съ дѣтьми
 „своими; не дерзаютъ они принести имъ
 „ни одежды, ни пищи. Бѣдные опцы
 „сидятъ на прагѣ, и спенающія матери
 „проводятъ ночь у дверей темницы. Да-
 „же и въ послѣдній разъ не могутъ они
 „обнять дѣтей своихъ; напрасно жела-
 „ютъ быть хотя свидѣтелями конца
 „ихъ! . . . Является стражъ темничный,
 „гнусный рабъ Претора, ужасъ и бичъ
 „гражданъ, Ликпоръ Секстїусъ. Онъ кла-
 „детъ цѣну на вздохи и слезы. *Дай*
 „*столько за входъ въ темницу; дай столько-*
 „*ко, чтобы войти туда съ лицемо!* Никто
 „не отказывалъ. — Скоро, безъ вѣдѣнія

„Число шѣхъ, которые были жерп-
 „вою злобы и гнѣва побѣдителей, не могло
 „сравняться со множествомъ убитыхъ за
 „ихъ богатство. Тиранъ узнавалъ имена
 „сихъ гражданъ опъ людей, которымъ по-
 „ручено было дѣлать особенный для того
 „списокъ, и замѣчалъ ихъ въ гибельной
 „книгѣ своей. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Не
 „знали, что дѣлать или чего не дѣлать
 „для безопасности.

„Кто подходилъ къ сей книгѣ мер-
 „швыхъ, того называли излишно любопыт-
 „нымъ и виновнымъ; кто удалялся опъ
 „нее, того считали ненавистникомъ сей
 „благодѣтельной мѣры; кто хотѣлъ видѣть
 „имена осужденныхъ, тому говорили:
 „*совѣсть муситъ тебя, и для того боишь-*
 „*ся найти между ими свое или родствен-*
 „*никовѣ твоихѣ имя.* Многие погибли за
 „то, что они хмурили брови или улыба-
 „лись. Тужить о смерти друга или
 „радоваться смерти непріятеля, было
 „равнымъ преступленіемъ. Многие каз-
 „нены даже по ошибкѣ въ именахъ. Ко-
 „гда убійцы не знали осужденныхъ, то
 „именами ихъ называли другихъ.“ Tit.
 Liv. in suppl. Lib. 88. Art. 21, 22, 23, 24.

„Самыя женщины не были исключе-
 „ны изъ общей опасности; естли не
 „заговорами властлюбія, то слезами об-

„виняли ихъ. Одна престарѣлая женщина
 „была казнена за то, что она опла-
 „кивала смерть сына своего.“ Tacit. Annał.
 Lib. 6. Art. 10.

„Среди сихъ неслыханныхъ бѣдспвѣй
 „менѣе другихъ злощасными казались тѣ,
 „которые умирали не предвидѣвъ судьбы
 „своей, или немедленно по объявленіи имъ
 „приговора; ибо тѣ, которые укрывались,
 „вели безпокойствъ и ужасовъ исполнен-
 „ную жизнь, люшѣйшую самой смерти.
 „Они не могли спастись бѣгствомъ, боясь
 „вспрѣшишь враговъ своихъ, и прере-
 „пали въ своихъ убѣжищахъ: ибо въ ти-
 „ранское правленіе и самые друзья быва-
 „ютъ предашелями.“ Tit. Liv. in suppl.
 Lib. 88. Art. 27.

Девятое Термидора.

Казнь Робerspьерова.

„Наконецъ казнь злодѣя (*) снова
 „заставила вѣришь Провидѣнію, и боги
 „оправдались. Онъ похитилъ у государ-
 „ства достойнѣйшихъ гражданъ, и ни-
 „кто не дерзалъ возстанъ и наказатъ
 „его. Но тиранъ погибъ, какъ скоро и
 „народу сдѣлался страшенъ. Онъ прс-
 „лилъ рѣки крови, и бездна поглотила
 „его.“ Juvenal. Satyr. 4.

(*) Клавдіана.

Такимъ образомъ Французскіе Автoры сей любопытной Испоріи языкомъ Римлянъ описываютъ всё эпохи Революціи до самаго Бонапарте или 18 Брюмера. Сія перемѣна изображена ими весьма обстоятельно словами Тацитта, Эниія, Аврелія Виктора, Цицерона и проч.

„О семъ великомъ днѣ слышимъ мы
„краснорѣчивый гласъ Римскаго Орапора
„(*) , гремящій изъ глубины вѣковъ, и
„дающій новому властелину Франціи пѣ
„же совѣщны, которые за 2000 лѣтъ
„предъ симъ давалъ онъ величайшему изъ
„Римлянъ (**). Сей гласъ вѣщаетъ :

„Ты долженъ посвятить себя потом-
„ству, и явисья ему со славою. Уже
„ты заслужилъ его удивленіе; но оно
„ждетъ еще предмета для хвалы истин-
„ной. Грядущіе вѣки безъ сомнѣнія уди-
„вятся, читая въ Испоріи или внимаая
„повѣстямъ о дѣлахъ твоихъ: сколько
„воинствъ разбѣянныхъ, сколько провин-
„цій, побoю покоренныхъ! сколько сраже-
„ній и побѣдъ невѣроятныхъ, копорымъ
„Рейнъ, Океанъ и Ниль были свидѣтеля-
„ми! сколько пріумфoвъ и памятниковъ,
„въ честь тебѣ воздвигнутыхъ! Но естѣ-

(*) Цицерона.

(**) Цесарю.

„ли мудрыми законами не утвердишь го-
 „сударственнаго правленія, то имя твое
 „въ опдаленій временъ будетъ по землѣ
 „скипашься, и не найдетъ мѣста твер-
 „даго. Мнѣніе потомковъ, подобно наше-
 „му мнѣнію, будетъ различно. Одни пре-
 „вознесутъ до небесъ дѣла твои; другіе
 „можетъ быть пожалѣютъ, что ты оп-
 „казался отъ самой лучшей славы, не
 „сдѣлавъ того, чтобы бѣдствіе опече-
 „ства было приписано року, а его спасеніе
 „твоей мудрости. И такъ старайся уго-
 „дишь судіямъ, предъ которыми будешь
 „стоять во всѣ вѣки. Они справедливе
 „насъ, ибо, могутъ судить тебя безъ
 „спрашей: безъ любви, злобы и зависти.
 „Еслили судъ ихъ тогда будетъ для те-
 „бя не важенъ, какъ нѣкоторые люди лож-
 „но думаютъ: то по крайней мѣрѣ те-
 „перь для тебя важно дѣйствовать такъ,
 „чтобы никакая укоризна не могла осла-
 „бить гремящей славы твоей!“ . . .

Женскіе парики.

Не далѣе какъ за десять лѣтъ передъ снѣмъ говорили мы съ отвращеніемъ о той женщинѣ, которая носила парикъ. Спаруха, самая набожная, по неволѣ только прибѣгала къ чужимъ волосамъ; но всячески старалась прибирать ихъ подъ цвѣтъ своихъ, чтобы обмануть глаза, и покраснѣлась бы какъ пшадцапилѣтная невинность, есѣли бы какой нибудь неучтивецъ сказалъ ей: *ахъ! на васъ парикъ!*

Какая же быстрая переменна въ идеяхъ произошла съ того времени! Лучшее украшеніе женскаго полу, копорымъ плѣнялись всѣ народы и всѣ вѣки, впало въ совершенное презрѣніе. Прелестныя дамы и дѣвицы обрили себѣ головы! Волосы, данныя имъ Природою по цвѣту ихъ лица, промѣняли они на парики, копорыхъ цвѣтъ иногда въ самой напурѣ не существуетъ!

Извѣстно происхожденіе этой моды въ Парижѣ. Любовница, мать, сестра, дочь, у копорыхъ Робертсѣрова *гильютина* похишила любовника, сына, брата, отца, желали сохранить хотя нѣкоторые печальные остатки любезныхъ, покупали

волосы ихъ у валача и украшались ими; но сїи несчастныя жертвы уже забыты, а парики оспались!

Въ парикахъ милыя красавицы! . . . О времена! о нравы! Марціалъ и Ювеналъ въ свое время гремѣли противъ женщинъ; которыя плѣшивую свою голову скрывали подъ чужими волосами: что бы сказали они, видя теперь молодую, спыдливую дѣвицу, которая нѣжный лобъ свой оскверняетъ волосами — (по чему знать?) — какой нибудь гнусной женщины, кадаго нибудь злодѣя, убійцы? Нынѣ, слава Богу! не казнятъ честныхъ людей въ Европѣ; палачи могутъ торговать одними ядовитыми волосами изверговъ — такъ, ядовитыми! Спросите у Медика: онъ скажетъ вамъ, что въ нихъ всегда оспаеется нѣкоторая жизненная сущность человѣка, какъ бы ихъ ни мыли, ни чистили. Я не хотѣлъ бы и руками прикоснуться къ такой гнусности; а вы, красавицы? . . . .

Но — извините; можетъ быть жаркая ревность моя пресупааетъ границу должнаго къ вамъ почтенія. Ювеналовъ бичъ не годился въ разговоръ съ прекраснымъ поломъ, котораго ошибки происходятъ всегда отъ слабости, отъ воспитанія, а чаще всего отъ нѣжной чувствительности.

Нѣтъ! не хочу говорить языкомъ жестокаго моралиста. Венера сѣкла Амура миртовой лозою. Эпиа аллегорія есть на-сравленіе для Автора, которой хочетъ исправить женскія слабости. Можно быть учпивымъ безъ лести. Однимъ словомъ, мы хопимъ тихонько снять парики, а не сорвать ихъ!

И такъ скажемъ, что всякой парикъ есть безобразіе, разрушая природную гармонію въ чертахъ лица и пере-мѣняя вообще всю физиономію. Положимъ даже, чтобы онъ иногда и украшалъ ее: но захочетъ ли того нѣжной, снраспной любовникъ? Когда люблю женщину, то не желаю никакой перемѣны въ лицѣ ея; не хочу, чтобы она была и лучше — ибо я люблю прочно *ее*; а это слово все рѣшитъ.

О вы прелестницы, играющія всякой день париками и лицами своими! знаете ли, какую бѣду себѣ готовите? Вы прѣучаете любовниковъ къ перемѣнѣ, къ которой они и безъ того. (увы!) очень склонны. Когда испоннался всѣ двѣты париковъ вашихъ, по любовники, привыкшіе всякой день видѣть новыя черпы лица, захопятъ въ другомъ мѣстѣ поискать эпой мидой новости, которой въ васъ уже не будетъ для нихъ! (Съ Франц.)

О просвѣщеніи.

Объ успѣхахъ просвѣщенія въ Европѣ, новое сочиненіе Поэта Шенье, заслуживаетъ вниманіе всѣхъ любителей чтенія. Авторъ представляетъ въ картинѣ, въ сильной и пріятной живописи, медленныя и трудныя успѣхи человѣческаго разума, съ того времени, какъ сей разумъ собсіпвенными силами началъ выходить изъ варварскаго невѣжества, до изобрѣщенія книгопечатанія, съ котораго начинается его ~~важнѣйшая~~ эпоха и быстрое теченіе познаній, вѣчныхъ, неиспробимыхъ.

Сочиненіе такого роду не терпитъ извлеченія, будучи само собою ничпо иное, какъ искусное сокращеніе обширной исторіи ума. Оно во всѣхъ вѣкахъ представляетъ челоѣка жерпвою невѣжества; но истина, разумъ и Философія мало по малу испребляющъ или обезсиливаютъ зло, облегчающъ состояніе челоѣка и ведущъ его къ совершенству и щастію.

Седьмойнадесятъ вѣкъ есть торжество Французской Словесности. Авторъ говоритъ: „Языкъ Тосканской славился

лирическою поэзією Тести, Филикаи; Англія гордилась Мильпономъ и Драйденомъ: но гдѣ найдемъ виѣспѣ, и (шакъ сказать) въ одномъ обществѣ чудесное множество превосходныхъ дарованій, равныхъ шолько между собою? Корнель, духъ творческій, первый въ искусствѣ возвышать душу и постигать *выслреннее* (*); Мольеръ, Поэтъ-Философъ, первый живописецъ человѣческихъ слабостей; Лафонтенъ, несравненный въ милой простотѣ и въ щасливой легкости слога; Паскаль, Депрео, *утвердители* (шакъ сказать) Французскаго языка, одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ, первые образцы въ трудномъ искусствѣ *подснять слова мыслямъ*; Расинъ, первый еще въ важнѣйшемъ искусствѣ говорить съ сердцемъ, единственный соперникъ Virgilія въ пѣтической пріятности, чистотѣ и гармоніи; Боссюэпъ, первый въ краснорѣчій Генія; Фенелонъ, первый въ краснорѣчій добродѣтели — сіи великіе таланты сіяли въ одной Франціи; но успѣхи разума были вездѣ удивительны. Гугенсъ открылъ въ Голландіи теорію средоточій *колебанія* и угадалъ оичасни теорію силъ центральныхъ; Невтонъ въ Англіи, Лейб-

---

(*) Sublime.

ницъ въ Германіи, изобрѣли вмѣстѣ *Геометрію безконечнаго*; Невтонъ одинъ раздѣлилъ лучъ солнца, одинъ открылъ всемірное *тяготѣніе*, одинъ доказалъ необъятными вычисленіями истинную систему міра. Сіи два Геометра, вмѣстѣ съ Базельскими Бернулліями, ежедневно обогащали Математику, въ то время, когда Локкъ, взявъ въ руку свѣспильникъ наблюденія, озарилъ ничтожность мечтательной Схоластики, новѣйшую химеру врожденныхъ идей, утвердилъ путь, слегка начертанный Бакономъ, и разумомъ изъяснилъ разумъ человѣка.“

Карпина осьмага надесяшь вѣка также богата великими изображеніями умовъ, между которыми занимаетъ первое мѣсто изображеніе Фернейскаго Философа.

„Явился Вольперъ: Софокль нашель соперника, Корнель и Расинъ преемника. Но торжество одного роду не могло удовольствовать его чрезвычайнаго славолубія. Вольперъ, умъ обширнѣйшій и разнообразнѣйшій не только своего вѣка, но и всѣхъ вѣковъ, чудесно дѣятельный и ревностный, ввелъ Философію въ Эпическую, въ Трагедію, въ Исторію, въ Критику, въ Романы, въ самую легкую Поэзію. Онъ употреблялъ противъ враговъ ея то остроумныя насмѣшки Горация, то за-

бавные вымыслы Арїостовы; наказывалъ и поражалъ ихъ громомъ славы своей; опвѣчалъ на заклинанія шушками, на вопль зависши новыми прекрасными твореніями, на клевету добродѣтельными подвигами; обратилъ къ Философіи всѣ умы, всякое честолюбіе; искалъ ей друзей и помощниковъ при Дворахъ, въ Царскихъ Совѣтахъ, на пронахъ; и въ теченіе шестидесяти лѣтъ имѣлъ на всю Европу такое вліяніе, которое превосходнѣе всякаго могущества: ибо оно было ничто иное, какъ общее мнѣніе, единая безпредѣльная власть въ мірѣ.“

Имя Вольперово напоминаетъ имя славнаго Короля, ученика его и друга. Въ заключеніе приведемъ здѣсь нѣкоторыя черты изъ Фридрихова портрета, съ такимъ же искусствомъ и блескомъ написаннаго:

„Монархъ Пруссїи основалъ на побѣдахъ славу свою, и мудрыми законами утвердилъ ее. Превосходные умы суть истинные Герои Исторїи: Фридрихъ былъ изъ сего числа, и со временъ Императора Іуліана Судьба не возводила на пронѣ такого „Геня (*). Наслѣдникъ самовла-

---

(*) А Пётръ Великій?

спія , онѣ былѣ великѣ самѣ собою и ограничилѣ власпѣ свою ; преодолѣлѣ навукѣ — и самую склонность , которая влекла его къ Деспотизму ; назывался другомѣ Философовѣ , и служилѣ примѣромѣ для Государей.“

VII.

Жанъ - Жанъ Руссо въ Тюльери.

Всякое чувствительное сердце съ живымъ удовольствіемъ воспоминаетъ тотѣ прекрасной осенней вечерѣ , въ который жители Эрменонвильскіе привезли въ Парижѣ грѣбѣ Авипора Элоизы , украшенный зеленью и цвѣтами.

Время было ясное , небо чистое ; пурпуровая завѣса скрывала на горизонтѣ лучи заходящаго солнца . Тихій вѣперокѣ шевелилѣ на деревьяхѣ послѣдніе листья .

Вдругѣ раздается вдали проспая , милая музыка . Всѣ граждане бросаюпся на встрѣчу къ великому праху . Всѣ сердца бьются отѣ радости .

Торжественная колесница приближалась тихо и величественно . Толпы моло-

дыхъ людей шли за нею въ безмолвномъ благоговѣннѣи.

Симфонисты послѣ каждой арїи переставали играть, чтобы всякой могъ вопорять ее мысленно.

Арїи любимыя *друга Натуры*, тѣ, которыя ежедневно поетъ любовникъ любовницѣ и нѣжная супруга своему щасливому супругу!

Казалось, что жители эвѣра сошли на землю, чтобы взять Безсмертнаго и вознести его на небо съ плѣнительнымъ своимъ пѣнїемъ.

Колесница приблизилась къ бассейну, который представлялъ островъ Эрменонвильскій. Зрители спали вокругъ, и роняли слезы свои въ его чистую воду; еще болѣе плакали милыя женщины, думая о Софїи, Юліи, Варанѣ, которую сынъ ея любилъ столь нѣжно и постоянно!

Гробъ поставили на возвышенїе, и одѣли голубымъ сукномъ, усѣяннымъ звѣздами.

Всѣ глаза на него успремѣлись. Слава великаго мужа пронизала сквозь мракъ смерти и оживляла его.

Безчисленные факелы освѣщали сіе трогательное дѣйствїе. Слезы украшали всякое лице; на всякомъ видна была —

не горестъ о кончинѣ друга, но тихая, спокойная надежда на его возвращеніе.

Погребеніе заключилось арією: dans та саване obscure; и каждый, возвращаясь домой, съ сердечнымъ умиленіемъ повспоминалъ ее!

Мерсе.

VIII.

Трогательное воспоминаніе.

Можно сказать, что великіе люди имѣютъ власть удѣлять славу свою всѣмъ предметамъ, которые по случаю входятъ въ какое нибудь сношеніе съ ними. Извѣстно благоговѣніе Англичанъ къ той ивѣ, которую посадилъ стихотворецъ Поупъ (*). Дерево, не менѣе священное въ Америкѣ, погибло отъ громоваго удара въ Іюнѣ прошедшаго году, и обстоятельство ея паденія занимали любопытство всѣхъ гражданъ. Оно славилось не своимъ діаметромъ въ девять футовъ, не своею вышиною въ 25 сажень, не обширностію своихъ вѣтвей, которыя осѣняли землю на 500 футовъ

(*) Объ этой славной ивѣ упоминается въ VI части Писемъ Руск. Путеш. По сіе время храню вѣтвь ея.

въ окружности: эпоха славы его началась съ Американской войны и съ несчастія Маіора Андре, которой подъ симъ деревомъ былъ взятъ въ плѣнъ Англо-Американцами. Трагическій конецъ сего юнаго война не всѣмъ извѣстенъ въ Европѣ; и по тому можемъ рассказать здѣсь главныя его обстоятельство (*).

Одаренный отъ природы всѣми качествами, любезными въ молодомъ человѣкѣ, Андре спрассно влюбился въ дѣвицу Семуръ, которая была равно богата и прекрасна. Родители ея не хотѣли отдать дочери своей за человѣка споль незнамнаго и небогатаго; любовь казалась имъ одною мечтою — и несчастному молодому человѣку отказали.

Тогда началась уже война Англїи съ ея Колонїями, хотѣвшими независимости. Маіоръ Андре съ жаркою ревностію успремился на путь воинской славы, надѣясь съ вѣнцемъ ея получить и руку своей

(*) Я въ ребячествѣ своемъ читалъ въ газетахъ описаніе его бѣдственней смерши, и плакалъ. Это горестное впечатлѣніе возобновилось въ моемъ сердцѣ, когда я увидѣлъ монументъ его въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, сооруженный благодарнымъ Королемъ и народомъ. Не многіе Англичане шужили болѣе меня о несчастномъ Андре!

любовницы, украситься лаврами, знаками мужества, заслугъ, достоинствъ - и повергнуть все къ ногамъ честолюбивыхъ ея родителей.

Пылая нетерпѣніемъ сдѣлать что нибудь чрезвычайное, достойное особеннаго Королевскаго вниманія, юный Герой вознамѣрился преклонить непріятельскую армію на свою сторону.

Англичане занимали тогда Новый-Йоркъ; станъ Американской былъ въ Новомъ-Джерсѣ, на другой сторонѣ большой рѣки Гудсоновой, которая раздѣляетъ сіи двѣ области. Любовь не оправдываетъ ничего въ глазахъ Политики; но другія обстоятельства извиняютъ намѣреніе Маіора Андре, и дѣло его конечно не есть преступленіе для человечества. Англо-Американцы считались тогда мятежниками, которые хотѣли незаконными средствами свергнуть съ себя иго Англійской власти; ихъ надлежало не подкупить, а только *привести въ разсудокъ*, какъ говорили Роялисты. Англійской Офицеръ требовалъ не измѣны, но послушанія. Такое замѣчаніе нужно. Какъ не позволено оправдывать преступника, такъ не должно и осуждать человѣка по однимъ слѣдствіямъ.

Не извѣстно, что думалъ самъ Андре о своемъ предпріятіи; но оно во всѣхъ отношеніяхъ пребовало необыкновенной отважности. Онъ садится въ лодку при наступленіи ночи, плыветъ вверхъ рѣки до непріятельскаго лагеря, входитъ въ него, входитъ въ ставку Генерала Арнольда, начальника сей дивизіи; объявляетъ ему свое намереніе, свой планъ, и убѣждаетъ его дѣйствовать согласно съ онымъ. Арнольдъ рѣшился — измѣнить или заградить свое преступленіе; условился съ Маіоромъ Андре во всѣхъ мѣрахъ, и далъ ему пропускъ за своимъ подписаніемъ.

Опустивъ лодку, онъ долженъ былъ черезъ Новой--Джерсе возвратиться въ Англійской лагерь. Пикетъ Американской (*) остановилъ его въ деревнѣ Гринборѣ, подъ тѣнью самыйъ деревомъ, о которомъ мы говорили. Замѣшательство Андре, незнаніе пароля, безпокойный видъ его, способствовали къ гибели несчастнаго — и совершили ее. Взяли его бумаги и немедленно опослали къ Генералу Вашингтону. Нарядили военную Комиссію, и вышло жестокое рѣшеніе повѣсить храбраго

(*) Американское Правительство наградило сихъ воиновъ медалями, которыя и понынѣ носятъ они въ пепелѣ. Никто, кромѣ ихъ, не имѣетъ въ Америкѣ знаковъ отличія.

Англійскаго Офицера, какъ шпіона, въ Американскомъ лагерѣ. Не смотря на отважность свою, онъ ужаснулся умереть смертію гнусныхъ злодѣевъ; просилъ, заклиналъ судей своихъ, чтобы они велѣли разспрѣлять его; боялся не смерти, но безчестія, и желалъ кончить жизнь воинскою казнію. Трогательное, краснорѣчивое письмо его было вручено Генералу Вашингтону; но сей непреклонный военачальникъ утвердилъ рѣшеніе суда. Тогда юный Брипанецъ, скрывая волненіе души своей, идевъ съ героическою твердосіию на мѣсто казни; взираетъ на всѣхъ спокойно и величественно, и самыхъ непріятелей удивляетъ своимъ благороднымъ равнодушіемъ. Не допуская къ себѣ палача, онъ схватилъ пешлю, надѣлъ ее на шею и бросился — въ вѣчность.

Таковъ былъ бѣдственный конецъ Маіора Андре! Во двѣшѣ лѣтъ своихъ онъ погибъ ужасною казнію, за двѣ тысячи миль отъ своего опечесства и любовницы, которая невидимо управляла его дѣйствіями и геройскимъ славолубіемъ (*)!

(*) Я помню еще одно обстоятельство изъ недавнихъ вѣдомостей: меньшей братъ Маіора Андре, узнавъ въ Лойдовомъ кофейномъ домѣ о его несчастной смерти, упалъ безъ памяти и въ ту же минуту умеръ.

Въ послѣднiя минушы жизни своей онъ сочинялъ нѣжные и прогашельные стихи. Дѣвица Семуръ была ихъ предметомъ, а пламенная душа любовника испочникомъ.

Нещасная Семуръ имѣла пшвердосшь пережишь смерть Героя, для того единственно, чшобы утѣшишь меланхолическую шѣнь его. Она сохранила вѣрносшь къ памяти своего любовника; ничшо не могло примирить ее съ жизнию. Юносшь ея увяла въ горести; красота зашмилась вѣчною скорбiю. Но еще въ 40 лѣтъ, и не смотря на всегдашнiя слезы, она прiятна своимъ милымъ лицомъ. Живеть въ вѣчномъ уединенiи, окруживъ себя знаками смерти, и ждешь съ неперпѣниемъ той минушы, которая соединить ея душу съ душою нѣжнаго любовника. —

Изъ Gazette de France, Декабря 1801.

Меланхолія.

Подражаніе Делилю.

Спроси нѣжныхъ , крошкихъ душъ , судьбою
 угнетенныхъ ,
 Несчастныхъ щастіе и сладость огорченныхъ!
 О Меланхолія! ты имъ милѣе всѣхъ
 Искусственныхъ забавъ и вѣпреныхъ ушѣхъ.
 Сравнися ль чтонибудь съ швоею красошою,
 Съ швоей улыбкою и съ шихою слезою?
 Ты первый скорби врачъ , ты первый сердца
 другъ ;

Тебѣ оно свои печали повѣряешъ ;
 Но ушѣшаясь , ихъ еще не забываешъ.
 Когда , освободясь отъ ига шяжкихъ мукъ ,
 Несчастный отдохнешъ въ душѣ своей уны-
 лой ,
 Съ любовію ему ты руку подаешъ ,
 И лучше радости , для горесѣпныхъ не милой,
 Ласкаешся къ нему , и въ грудь ошраду
 льешъ
 Съ печальной крошосшью и съ видомъ уми-
 ленья.

О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ
 Отъ скорби и шоски къ ушѣхамъ наслаж-
 денья!
 Веселья нѣшъ еще , и нѣшъ уже мученья ;
 Ошчаянье прошло . . . . Но слезы осушивъ ,
 Ты радостно на свѣшъ взглянушь еще не
 смѣшъ ,
 И машери своей , Печали , видъ имѣшъ.

Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.

Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ лиственъ, горныхъ водъ, шумъ въ-
провъ и морей.

Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ *удивленіи* ты болѣе съ собой.

Природа мрачная швоей нѣжный взоръ плъ-
няешь:

Она какъ будто бы печалишься съ тобой.

Когда свѣтило дня на небѣ угасаетъ,
Въ задумчивости ты зришь на него.

Не шумныя весны любезная веселость,
Не лѣша пышнаго роскошный блескъ и зрѣ-
лосць

Для грусти швоея пріятнѣе всего,
Но осень блѣдная, когда изнемогая
И томною рукой въковъ свой обрывая,
Она кончины ждешь. Пусть веселишься свѣтъ
И щасъе грубое въ разсѣянїи новомъ
Стараешься найти: тебѣ въ немъ нужды нѣтъ;
Ты щасшлива мечшой, одною мыслью — сло-
вомъ!

Тамъ музыка гремитъ, въ огняхъ пылаешь
домъ;

Блещаютъ красотою, алмазами, умомъ:
Тамъ пиршество . . . . но ты не видишь, не
внимаешь,

И голову свою на руку опускаешь;
Веселіе швое — задумавшись молчашь,
И на прошедшее взоръ нѣжный обращаешь.

Портретъ милой женщины.

Уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я знаю N. N. Съ первыхъ дней нашего знакомства она полюбилась мнѣ своею привѣпливостію, какимъ-то сходствомъ со мною въ склонностяхъ и вкусахъ. Я любилъ рисовать: она по же. Стихотворство было -- не скажу, моимъ талантомъ, по крайней мѣрѣ любимымъ моимъ упражненіемъ: она съ удовольствіемъ слушала незрѣлые первенцы моихъ опытовъ. Мы оба охотники были до хорошихъ Романовъ, и часто по нѣскольку часовъ вмѣстѣ читали ихъ. Наконецъ она удостоивала меня при разныхъ случаяхъ дружеской довѣренности. Тогда мнѣ было двадцать пять лѣтъ: ей двумя годами меньше. Она не красавица — скажу еще болѣе: даже и съ недоснатками. Холодный человекъ не дастъ никакой цѣны ея наружности; черствая душа никогда не почувствуетъ качества ума и сердца ея; но добрый, чувствительный и съ тонкою разборчивостію предпочелъ бы ее первымъ красавицамъ, выбралъ бы *ее* въ свои подруги.

Вотъ какъ я думалъ объ ней въ то время, и вотъ какую нынѣ, послѣ двѣ-

надцатилѣтнихъ опышовъ, ея вижу. — Надѣюсь, что она простишь мнѣ мою искренность; если я открою въ ней нѣкоторыя слабости, если найду нѣкоторыя недоспашки и даже исключу нѣкоторыя ея добродѣтели изъ моей росписи, то шѣмъ болѣе докажу мое безпристрастіе въ описаніи прочихъ.

Н. Н. никого не ослѣпитъ съ перваго взгляда: умъ ея не столько блестящъ, сколько тонокъ и основателенъ; однакожь довольно живъ, пріятенъ и способенъ къ острымъ отвѣтамъ; но все это покрывается непримѣрною скромностію, и цѣну ея могутъ чувствовать только шѣ, которые коротко съ нею знакомы. Я уже сказалъ о склонности ея къ Романамъ; но это не одно ея чтеніе: она знаетъ всѣхъ лучшихъ Французскихъ Поэтовъ, и почерпнула изъ разныхъ сочиненій нравоучительныхъ и принадлежащихъ до воспитанія все то, чѣмъ только можетъ пользоваться пріятная въ обществѣ женщина, добрая жена и нѣжная мать. Она никогда не упражнялась въ Авторствѣ; но ея письма, украшенныя легкимъ слогомъ, исполненныя чувствительности, Философіи, могли бы занять мѣсто въ лучшихъ Романахъ.

Христiянская набожность, — безъ сусвѣрiя, самая чистая — есть первая ея добродѣтель. Вы не услышите, чѣмъ она вездѣ описывала того бѣднѣшаго, того несчастiе; не увидите, чѣмъ она простираетъ съ пышнымъ видомъ руку благошворенiя; но нечаянно воспрѣтите нищешу, выходящую изъ ея кабинета; но примѣтите въ церкви на глазахъ ея слезы, которыми она украдкою обтираетъ. Сiя — то добродѣтель пронзасила въ ней и многiя другiя: слѣпую покорность къ Провидѣнiю, спокойное ожиданiе неминуемаго всѣмъ предѣла, великодушную крѣпость въ печаляхъ и кроткое, снисходительное, родственническое, такъ сказать, обращенiе даже и съ служащими ей; она боится дать имъ почувствовать ихъ рабство; не приказываетъ, но проситъ; не бранитъ, а съ прiязнiю уговариваетъ, и не требуетъ отъ нихъ другихъ услугъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ.

Я не знаю, чѣмъ скромнѣе ея былъ въ обществѣ: она всякому позволитъ быть довольнымъ самимъ собою; не оскорбитъ ни чьего самолюбiя; молодой и старой, важная барыня и милая вѣтреница, всѣ будутъ глядѣть на нее ласково, и всѣ скажутъ въ одинъ голосъ: *какая добрая!* Но не думайте однакожь, чѣмъ не было и

въ ней кокетства ; напротивъ , и она любить , и очень любить тонкимъ образомъ обращать на себя вниманіе ; но употребляемые ею способы служатъ только къ тому , чтобъ сдѣлать ее въ глазахъ другихъ еще милѣе и почтеннѣе .

Она соединила судьбу свою съ другимъ не по выбору сердца , но покорствуя обшпояпельствамъ : супругъ не зналъ , на комъ женился , а она не знала , за кого выходитъ ; видѣла только мужчину , молодого , красиваго и не безъ разума ; но довольно ли сего для той , которая непрестанно мечтала объ Аркадіи ? Хотя послѣ открылись въ немъ и другія достоинства , но со всѣмъ имъ нравы ихъ были несходны . „Нужды нѣтъ!“ сказала она : „мнѣ должно почитать и любить своего мужа ; естли я не въ силахъ переимѣнить *его* , такъ постараюсь сама переимѣниться “ — и съ той минушы удалила навсегда романическія мечпанія ; пріучила себя видѣть въ супругѣ своемъ не Грандиссона , но мужа , необходимаго поварища ; начала примѣняться къ его обычаю , и ни въ чемъ ему не пропиво-рѣчила ; оставила для него прежнія свои связи , любимыя свои упражненія — словомъ : отказалась отъ собственныхъ склонностей , вкусовъ , желаній ; одна

только воля его спала пружиною всѣхъ ея дѣйствій.

Скажу еще къ увѣнчанію похвалы ея, что она совершенная послѣдовательница *Оптимизму*: какая бы ни случилась ей непріятность, задумается . . . и всегда скажетъ по томъ: „можеть быть это къ лучшему!“

Я уже предварилъ, что буду говорить и объ ея слабостяхъ и недостаткахъ; но признаюсь ли? Я ихъ не вижу. Правда, иногда кажется мнѣ, что она не много не оспорожна, не много легковерна, по временамъ лукава; оспановлюсь на томъ, но по зрѣломъ размысленіи открываю и въ тѣхъ самыхъ недостаткахъ добрыя причины, новыя достоинства, новую добродѣтель.

Л.

XI.

Анекдоты о Бонапарте, еще неизвѣстные (*).

За нѣсколько дней до отбѣзда въ Италіянскую армію, Бонапарте пришелъ къ одному изъ друзей своихъ, спросилъ бумаги и написалъ въ десять минутъ планъ военныхъ дѣйствій, которой былъ у него въ головѣ. Въ семъ планѣ именно назначено, что первое пораженіе непріятеля будетъ при Меллезимо, и что Австрійцевъ должно выгнать изъ ущелинь Тирольскихъ. Въ концѣ сказано: *и передъ воротами Вѣны дамъ я вамъ миръ!*

Бонапарте былъ двадцати шести лѣтъ отъ роду, когда поѣхалъ командовать арміею. „Такому ли молодому человѣку быть военачальникомъ!“ сказалъ ему одинъ изъ его пріятелей. *Я ѣду молодъ, а возвращусь старикомъ*, отвѣчалъ онъ.

Во время первыхъ его Италіянскихъ побѣдъ, въ Парижѣ все говорили о Бонапартевомъ щастіи. Одинъ умной человѣкъ разсказалъ слѣдующій анекдотъ: „Однажды при Фоншенелѣ спорили объ ос-“, шрыхъ словахъ. Нѣкоторые приписывали „ихъ уму, а другіе щастью. Пусть

(*) Изъ Французскаго Журнала.

„будетъ такъ, сказалъ Фонпенель : но это
 „щастье приходитъ только къ умнымъ лю-
 „дямъ.“ — Удача одного предпріятія
 зависитъ безъ сомнѣнія отъ случая ; но
 безпрестанныя и многія удачи предпола-
 гають великій разумъ. Одинъ изъ при-
 дворныхъ Людовика XIV сказалъ о Вилья-
 рѣ, что онъ щасливъ. „Нѣтъ,“ отвѣчалъ
 Монархъ : „онъ такъ щасливъ , что не
 „можетъ быть только щасливымъ.“ —
 О славѣ Римскаго полководца : *не бойся! съ
 тобою Цесарь и щастье его!* говорили въ
 присуствіи одного Французскаго военачальника ,
 которой самъ могъ равняться съ Цесаремъ
 побѣдами. *Въ такихъ словахъ,* сказалъ онъ ,
*болѣе ума, нежели гордости; они воспламеняютъ
 воображеніе и не оскорбляютъ самолюбія.*

Госпожа Лафаешъ, узнавъ, что мужъ
 ея обязанъ свободою побѣдителю Бонапарте,
 прѣѣхала къ сему Герою съ дочерью
 своею, чтобы изъяснить ему благодарность,
 и была имъ принята очень ласково. *Это
 не удивительно,* сказалъ ей одинъ прѣя-
 тель : *слава всегда ласкаетъ добродѣтель.*

Бонапарте въ началѣ своего Консуль-
 ства часто повпорялъ, что Первый Кон-
 суль долженъ быть ничто иное, какъ
 первой и всегдашней ходатаей государства
 по внѣшнимъ и внутреннимъ дѣламъ.

Онъ сказалъ Французскимъ морскимъ Офицерамъ: *Вы храбры, но были побѣждаемы отъ неповиновенія. На сухомятѣ лупи храбрость безъ подчиненности можетъ иногда побѣдить, а на морѣ никогда.*

Гранадеръ, бывший при Маренго, рассказываетъ слѣдующія обстоятельствова: „Въ 11 часовъ пришли мы на мѣсто сраженія, и прежде всего увидѣли множество нашихъ убитыхъ, изувѣченныхъ и тяжело раненыхъ, которыхъ выносили за фронтъ; одни были безъ ногъ, другіе безъ рукъ, иные насквозь прострѣлены картечами. Сраженіе казалось опмѣнно кровопролитнымъ и не совсѣмъ щасплымъ. Намъ встрѣпился Первый Консулъ, и спросилъ имя нашей полубригады. *Пятьдесятъ-девятая Линейная*, отвѣчалъ одинъ изъ насъ. Друзья! сказалъ Бонапарте: *распустите знамена! телерь насталь часъ славы! Я надѣюсь, что вы опмстите погибель вашихъ товарищей. — Опмстимъ!* закричали мы въ нѣсколько голосовъ. Въ ту самую минушу, когда Консулъ говорилъ съ нами, свистали ядры и картечи вокругъ его. Пять человекъ шестой роты упали съ пригорка къ ногамъ его лошади. Онъ стоялъ неподвижно, и покойно смспрѣлъ на непріятеля. *Телерь впередъ, впередъ, друзья!* сказалъ онъ, и мы вдругъ

бросились съ штыками на Австрійскія пушки. — Въ самой пыль сраженія прискакаль къ Бонапарте главный Генераль арии, Бертье, увѣдомить его, что войско начинаеть приходить въ безпорядокъ. *Говори объ этомъ хладнокровнѣе*, отвѣчалъ ему Консуль.

XII.

Нѣчто о нынѣшнемъ Парижѣ.

Парижъ, въ которомъ еще не давно было сполько шума, волненія, мяшежа и всякаго рода ужасовъ, нынѣ пакъ спокоенъ и тихъ, что иноспранецъ, видя его, съ трудомъ вѣриптъ или глазамъ или памяти своей. Французы подлинно чудные люди: одинъ годъ ешь для нихъ вѣкъ — пакъ скоро они перемѣняются!

Вездѣ отворены лавки, и всѣ наполнены товарами. Пале-Рояль воскресло въ прежнемъ блескѣ своемъ и служиптъ опяпъ ежедневнымъ гульбищемъ для франтсвѣ и щеголихъ. Хотя и здѣсь зима не очень пріятна; хотя и здѣсь теперь всякой день дожди, однакожь веселые Французы думаютъ только о забавахъ; мрачное небо

не помрачаетъ ихъ ума, и глубокая грязь не мѣшаетъ имъ прыпко бѣгать изъ спектакля въ спектакль. Каретъ множество, а кабриолетовъ еще болѣе; ихъ нанимаютъ по часамъ, и за 40 су можно ѣхать, куда угодно. Вездѣ пылаютъ каминныя; но дрова здѣсь всего дороже: каминъ спойитъ мнѣ ежедневно около 50 су. — Сѣбные припасы не такъ дороги: фунтъ самаго лучшаго мяса спойитъ 12 су; за бутылку хорошаго вина платятъ эю (рубль). Нынѣ здѣсь обыкновенно обѣдаютъ въ пятомъ часу, и по тому ужина совсѣмъ не бываетъ. — Комнаты въ *Отеляхъ* не дешевы; я нанимаю три, изрядно прибранныя, за 5 луидоровъ въ мѣсяць. — Иностранцевъ здѣсь очень много, по большей части Нѣмцовъ и Англичанъ; послѣдніе не могутъ нарадоваться миромъ и Парижемъ. Вчера въ Пале-Рояль одна красавица, принявъ меня за Англичанина, сказала мнѣ: „здравствуй, новой другъ! какъ мы благодарны великому Бонапарте за удовольствіе гулять съ вами по-старому въ здѣшнемъ саду!“

Жители Парижскіе все такъ же учтивы, какъ и прежде. Имя *гражданина* почти уже не употребляется; даже и ремесленники, даже и *рыбныя* торговки говорятъ всякому хорошо одѣлому человѣку:

Monsieur! Только въ судахъ и на письмахъ осыпаются еще Республиканскія названія Citoyen и Citoyenne. Улицы также по-старому называются; говорятъ Rue Richelieu, Palais-Royal, а не la Loi, не Palais Egalité.

Еслили не ошибаюсь, то нынѣ здѣсь менѣе нищихъ, нежели прежде; славажъ все довольно. На сихъ дняхъ видѣлъ я на Pont-Neuf молодую женщину въ черномъ платьѣ, покрытую съ головы до ногъ чернымъ флеромъ; она держала на рукахъ груднаго младенца и сидѣла подлѣ столба, на которомъ была прибита слѣдующая надпись:

„Вы видите несчастную мать, бѣдную, лишенную всего, кромѣ надежды на благотѣлительность вашего сердца. Спасите жизнь матери и младенца!“

Въ одной рукѣ была у нее кружка, и самые бѣдно-одѣтые люди бросали въ нее деньги.

Но Почта опходитъ . . . Въ другой разъ поговоримъ еще о Парижѣ.

(Изъ Моднаго Магазина.)

ПОЛИТИКА.

I.

Всеобщее обозрѣніе.

Наконецъ миръ въ Европѣ. Исчезли ужасы десятилѣтней войны, которая попрясла основаніе многихъ державъ, и разрушая, угрожала еще *большими* разрушеніями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на всѣ другія части міра, и которая будетъ славна въ лѣтописяхъ подъ спрашнымъ именемъ *войны революціонной*. Особеннымъ ея характеромъ было всеобщее волненіе умовъ и сердецъ. Кто не занимался ею съ живѣйшимъ чувствомъ? Кто не желалъ ревностно успѣховъ той или другой сторонѣ? И многіе ли сохранили до конца сей войны то мнѣніе о вещахъ и людяхъ, которое имѣли они при ея началѣ? Она не только государства, но и самыя души приводила въ смятеніе.

Какъ послѣ жестокой бури взоръ нашъ съ гореспнымъ любопытствомъ примѣчаетъ знаки опустошеній ея, такъ мы воспоминаемъ теперь, что была Европа, сравниваемъ наспоюще съ прошедшимъ, и

удивляемся великимъ политическимъ измѣненіямъ сего десятилѣтія. Цѣлыя области совсѣмъ исчезли. Гдѣ Польша (*)? гдѣ Венеція? гдѣ многія Княжества въ Германіи и въ Италіи? Сего мало: надобно, чтобы и въ Африкѣ опдались громаы Французской Революціи — гдѣ славные Египетскіе Бей и древніе Мамелюки? Новыя области явились въ Европѣ: здѣсь воскресло древнее имя и царство Этруріи; шунь Ломбардія превратилась въ Чизальпинскую Республику; на островахъ Средиземнаго моря образовалась новая Іонія. Границы государствъ перемѣнились, и Авторы географическихъ Картъ должны снова начать свою работу.

Исторія замѣнитъ, что только одно Европейское государство спаслось отъ кровопролитія *революціонной войны*, а именно Швеція, бывъ два раза въ готовности воевать, сперва съ Французами, а послѣ съ Англичанами. Смерть Густава удалила Шведовъ отъ разрыва съ Республикою; кончина Императора ПАВЛА I остано-

---

(*) Безъ Французскихъ новостей она не вздумала бы перемѣнить своего правленія, и не раздражила бы Россіи Варшавскимъ кровопролитіемъ, слѣдственно Польша была также жертвою Фр. Революціи.

вила ихъ непріятельскія дѣйствія противъ Англичанъ.

Исторія замѣнитъ также, что Франція, гдѣ воспылали первыя искры мятежа, послѣ многихъ чудесныхъ переменъ судьбы своей, при заключеніи славнаго для себя мира вошла шочно въ старинныя свои границы, то есть въ границы древней Галліи, съ одной стороны по Рейнъ, а съ другой до внутренней Италіи, съ тою разницею, что Гальскіе народы, соединяясь иногда въ воинскихъ предпріятіяхъ, часто и другъ съ другомъ воевали, не имѣли общаго средоточія, ни единства воли, ни единства дѣйствій; а теперь 50 милліоновъ повинуются законамъ и Генію одного человѣка, усремляютъ полипическія силы свои на одинъ предметъ, служатъ (такъ сказать) одною рукою для Правленія, и новый Цесарь, новый Кловисъ не страшень для новыхъ Галлсвъ.

Подивимся игрѣ неизбяснимаго Рока: сколько разъ въ теченіе сей войны Республика по всѣмъ вѣроятностямъ разума должна была погибнуть? Въ самомъ началѣ она казалась вѣрною жертвою, безъ искусныхъ Генераловъ, безъ дисциплины, съ толпами людей едва не безоружныхъ или

не умѣющихъ владѣть оружіемъ, при ужасномъ безпорядкѣ въ правленіи, среди множества недовольныхъ, явныхъ и тайныхъ *внутреннихъ* непріятелей, желающихъ успѣха *внѣшнимъ*, которые въ грозной и стройной многочисленности, подъ начальствомъ славнѣйшаго полководца, съ именемъ лучшихъ Европейскихъ армій, съ опытными и храбрыми Офицерами, шли... не побѣдить достойнаго ихъ непріятеля, а только усмирить мятежниковъ, и заняли спань въ 180 верстахъ отъ Парижа! Еще четыре дни Суворовскаго марша, и конецъ Революціи! Уже самые смѣлые Жирондисты, Пепіоны и Бриссоты, въ опчаяніи своемъ хопяпъ бѣжипъ изъ Парижа, увезли заключеннаго Короля въ южныя провинціи, въ ущелинахъ и на хребтѣ горъ Пиринейскихъ основпъ вперую Швейцарскую Республику, или погибнуть въ пропастяхъ. Вдругъ соединенныя арміи, въ испуленіи паническаго, *до сего времени* непоняпнаго страха, бѣгутъ назадъ, а Дюмурье называетъ себя Ахиллесомъ, жалуется другихъ Генераловъ (*) въ Аяксы, и торжествуетъ безъ побѣды! -- Скоро другой благопріятный случай представляется союзникамъ. Принцъ Кобург-

---

(*) Бѣрнонвилля.

скій, ученикъ Римникскаго, побѣждаетъ Французовъ; ихъ славный Ахиллесъ передается къ Австрійцамъ, и хочешь самъ веспи ихъ къ Парижу, въ то время, когда восстають Лавандейцы; бьютъ Республиканцевъ и готовы съ другой стороны также ийти къ столицѣ Франціи и мяшежа. Европа опять думаетъ, что всему конецъ: *Consummatum est!* Нѣтъ, надобно, чтобы союзники раздѣлились; надобно, чтобы Герцогъ Йоркской пошелъ къ Динкирхену и далъ Гушару способъ разбить Англичанъ; надобно, чтобы Принцъ Кобургскій не во время приступилъ къ Мобѣжу, и послѣ оставилъ Журдана въ покоѣ; надобно, чтобы Король Прусской, пріучивъ Французовъ къ огню сраженій (подобно какъ Шведы учили въ свое время армію ПЕТРА Великаго), заключилъ съ ними миръ! — Наконецъ Франсузы имѣли уже великихъ Генераловъ и многочисленное войско, узнавшее тайну побѣды. Испалія, большая часть Германіи была въ ихъ рукахъ; Моро, Гошъ, особливо Бонапарте, дали имъ имя *нелюбъдимыхъ*; казалось, что судьба Республики уже рѣшилась къ ея славѣ. Но безумные властелины Директоріи, отправивъ Бонапарте въ Египетъ вмѣстѣ съ ихъ щаспіемъ, снова поставили Францію

на край бездны. Суворовъ, какъ Цесарь, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ — Эрцгерцогъ разбилъ Журдана — еще 35 тысячъ Рускихъ вступаютъ въ Швейцарію — Англо-Россійская армія идетъ къ Амстердаму. Союзники дѣйствовали съ жаромъ и съ твердостью. Французское Правленіе колебалось, утрапило свою надежность и довѣренность народа; оно не могло подкрѣплять армій, которыя уже разучились побѣждать, и ждали, такъ сказать, съ часу на часъ конца своего. — Герой Италійской, Эрцгерцогъ и Генераль Корсаковъ должны были вдругъ напасть на Массену, разбить, истребить его, вступить черезъ Швейцарію во Франш-Конте и прямо идти къ Парижу, не имѣя передъ собою ни крѣпостей, ни армій. Французы чувствовали свое бѣдственное состояніе, и я помню рѣчь одного изъ знаменитѣйшихъ Членовъ Пятисотнаго Совѣта, Эшассеріо, который уже говорилъ объ эшафотахъ для Республиканцевъ. Можетъ быть Австрійцы позавидовали славѣ Рускихъ; можетъ быть Тугушъ ошибся въ расчетахъ своей спонкой и глубокой Политики; можетъ быть . . . какъ бы то ни было, но опустошеніе Австрійской арміи къ Мангейму все разстроило и перевернуло

въ системѣ войны. Съ сего времени щастіе снова обратилось лицомъ къ Французамъ, и не переставало уже до конца служить имъ. — — Такимъ образомъ Республика три раза была въ самомъ опасномъ состояніи; три раза политическіе Медики осуждали ее на смерть; но Судьба въ теченіе сей войны болѣе нежели когда нибудь играла случаями и приводила въ недоумѣніе умъ человѣческой.

Первому году новаго вѣка принадлежала слава общаго мира, который былъ необходимостію всѣхъ народовъ послѣ долговременныхъ бѣдствій. Война не могла уже имѣть прежней дѣли своей: опасныя и безразсудныя Якобинскія правила, которыми вооружили противъ Республики всю Европу, исчезли въ самомъ своемъ отечествѣ, и Франція, не смотря на имя и нѣкоторыя Республиканскія формы своего правленія, есть теперь въ самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ истинная Монархія. Римскій Императоръ, потерявъ Брабантъ (гдѣ всегда съ большими издержками надлежало ему имѣть многочисленную армію) и Ломбардію (которая въ самомъ дѣлѣ приносила ему мало существенной пользы), награжденъ за то Венеціею, которая вводитъ Австрію въ число морскихъ державъ. Россія и Франція не

могли ничего требовать другъ отъ друга: имъ оставалось только возобновить коммерческія связи свои. Миръ Франціи съ Портою даетъ первой многія торговныя выгоды, а для послѣдней спасительнѣе шѣмъ, что Англія и Франція обязываются хранить цѣлость ея владѣній. Но Король Сардинскій, Герцогъ Тосканскій и Нѣмецкіе Князья остаются жертвами общаго покоя; они виноваты, ибо слабость есть вина въ Поляшикѣ!

Миръ Республики съ Англіею казался весьма труднымъ: онъ удивилъ Европу своими условіями. Франція беретъ все назадъ, Англія выигрываетъ только одинъ миръ, плаща за то *логги* всѣми своими блестящими завоеваніями и выгодами исключительной торговли, которыми она во всю войну пользовалась, и которыя должно теперь раздѣлить ей съ другими народами. Трудно сказать, что именно заставило Англійское Министертво быть столь великодушнымъ и безкорыстнымъ, но конечно не одно желаніе пресѣчь кровопролитіе и угодить народу; такого человеколюбія и снисхожденія не можемъ предполагать въ Аддингтонѣ и Гакесбури, особливожь зная то, что они дѣйствовали по мыслямъ Пипта, коюрой славенъ умомъ, а не мягкимъ серд-

немъ, и который готовъ былъ цѣлымъ міромъ жертвовашь пользѣ своего опеченства. Извѣстно, что Аддингтонъ, передъ самымъ подписаніемъ мирныхъ условий, нѣсколько дней провелъ въ деревнѣ съ Пиппомъ. Любопытной человѣкъ хожѣлъ бы послушать сихъ двухъ знаменитыхъ Министровъ, когда они, сидя подъ вѣтвями какого нибудь величественнаго дерева, разсуждали о судьбѣ міра, угадывали всѣ возможности и сравнивали однѣ съ другими! Можетъ быть они предвидѣли, что Европейскія державы, желая мира, принудили бы наконецъ Англію исполнить сіе желаніе, самымъ шѣмъ средствомъ, которое хожѣлъ употребить ПАВЕЛЪ I, то есть закрывъ для нее всѣ свои Порты; можетъ быть они предвидѣли, что вѣчная война обременила бы Англійской народъ несносными налогами, или произвела бы неминуемое государственное банкротство; можетъ быть они въ самомъ дѣлѣ боялись, чтобы Французы рано или поздно не сдѣлали высадки въ Англіи или въ Ирландіи, гдѣ все еще таились искры бунта. Догадки наши будущъ сомнительны; но человѣчество безъ всякаго сомнѣнія благодарно Англійскимъ Министрамъ, что они по осторожности или неосторожности заключили миръ.

Англійской народъ внѣ себя отъ радости. Всѣ Лондонскіе Журналисты прославляютъ Министерство, и старинные противники его, Фоксъ, Шериданъ, Тирней, хвалятъ миръ. Любопытно было слышать Питта, когда онъ въ собраніи Нижняго Парламента говорилъ о должномъ уваженіи къ Французскому Правительству и къ Бонапарте, называя его прежде Корсиканскимъ разбойникомъ! Но Лордъ Гренвиль, бывший Государственный Секретарь, и Виндамъ, бывший Министръ военный, прежніе друзья Питта, говорили съ великимъ жаромъ противъ мира; особливо Виндамъ, который въ пророческомъ испущеніи воскликнулъ: „Англія погибла! Пусть веселился народъ; но скоро увидишь онъ свое заблужденіе! Сіи радостные огни, пылающіе теперь въ Лондонѣ, кажутся мнѣ печальными свѣтильниками погребенія! Одни непримиримые враги наши воспользуются миромъ, и мы рано или поздно будемъ жерпвою ихъ коварно-ласковой улыбки! Они цвѣтами припворнаго дружелюбія усыпаютъ намъ пушъ къ могила! Нещасное отечество! гробъ для тебя уже отверзаешся!“ Краснорѣчивый Экс-Министръ содержаніемъ рѣчи и голосомъ своимъ заславилъ пла-

кашъ, многихъ зритель и самыхъ Членовъ Парламента. Но чего же хотѣлъ онъ? Вѣчной войны! „Съ Французами, сказалъ Виндамъ, не лѣзя помиришься между прочимъ и для того, что супружество основано у нихъ на одномъ гражданскомъ контрактѣ!“ Онъ не удовольствовался другими, сильнѣйшими доказательствами.

Экс-Министръ видѣлъ въ будущемъ конечно излишніе ужасы для Англіи; но то правда, что пріобрѣтеніе Гишпанскаго острова Троицы и Голландскаго Цейлана не могутъ наградить ее за войну, которая стоила ей болѣе 5000 милліоновъ рублей; что Франція въ мирное время конечно умножитъ флоты свои, и что Великобританія хотя не скоро, но вѣрно должна утратить первенство свое на морѣ. — Островъ Св. Троицы производитъ сахаръ, хлопчатую бумагу и множество разныхъ плодовъ; онъ всего важнѣе для Англичанъ тѣмъ, что доставляетъ имъ удобное средство торговать съ Гишпанскою Америкою. Цейланъ славенъ жемчужною ловлею и своею корицею. Лондонскіе Журналисты говорятъ, что мореплаватели, приближаясь къ нему, за нѣсколько миль уже чувствуютъ благоуханіе! — Но главнымъ пріобрѣтеніемъ

Англїи въ теченіе сей войны (*) осталася слава ея непобѣдимыхъ флотовъ, испребившихъ морскія силы Франціи, Голландїи и Гиспанїи. — Думающъ, что въ тайныхъ спашьяхъ мира Англійское Министерство не забыло несчастныхъ Принцевъ Бурбонскаго Дому и Шпашгальтера. Сей послѣдній, выѣзжая изъ Лондона, написалъ къ Королю умное, и хощя благодарное, но гордое письмо, доспойное потомка Вильгельмова и Маврикїева.

Естьли Англійской народъ обрадовался миру, то радость Французовъ была еще живѣе и основательнѣе, особливо въ городахъ приморскихъ и торговыхъ, которые съ восхищеніемъ увидѣли дружественной флагъ Великобританнїи въ своихъ Портахъ, и спѣшатъ теперь отправлять корабли во всѣ части свѣта. Любовь къ Бонапарте дошла до высочайшей степени. Со всѣхъ сторонъ пишутъ къ нему благодарныя письма, въ которыхъ называютъ его *спасителемъ Республики, первымъ Героемъ всѣхъ вѣковъ, единственнымъ*, и проч. и проч. Онъ конечно заслуживаетъ

(*) Я не говорю здѣсь о завоеванїяхъ ея въ Индїи, которыхъ не имѣли связи съ Французскою войною.

признательность Французовъ и почтеніе всѣхъ людей, умѣющихъ цѣнить чрезвычайныя дѣйствія геройства и разума. Его внѣшняя Политика и внутреннее правленіе достойны удивленія не менѣе Маренгской побѣды. Франція, осыпанная дарами щедрой Природы, земля столь многочисленная и богатая промышленностію своихъ жителей, конечно скоро загладишь бѣдственныя слѣды Революціи, наслаждаясь тишиною подъ эгидою дѣятельнаго и благоразумнаго Правленія, которое печется о мудрой системѣ гражданскихъ законовъ, о воспитаніи, объ успѣхѣ наукъ, художествъ и торговли, слѣдственно о важнѣйшихъ частяхъ государственнаго благополучія. Французы хотѣли прежде мечтательнаго равенства, которое дѣлало ихъ всѣхъ равно несчастливими: теперь, разрушивъ мечты, возстановивъ Религію, спольскую для сердца въ мірѣ превращеностей, не менѣе нужную и для благоденствія государствъ; отличивъ достойнѣйшихъ гражданъ важнымъ правомъ избранія ея республиканскія должности (par les listes de Notabilité) и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи Демократію, Монархъ-Консулъ оправдываетъ дѣло Судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія.

Многіе Полишики бояшся рѣшительнаго вліянія Франціи на участь Европы. „Мы вѣримъ миролюбію и благоразумію „Консула Бонапарте, говорятъ они: вѣримъ, что онъ не возмутитъ спокойствія Державъ и будетъ заниматься только внутреннимъ благомъ государства; но когда другой со временемъ займетъ его мѣсто, и не будучи, подобно ему; насыщенъ воинскою славою, захочетъ лавровъ, имѣя въ своихъ рукахъ Францію и еще при Республики, кощары непременно должны отъ нее зависѣть: что будетъ тогда съ Европою, по крайней мѣрѣ съ Германіею и съ Италіею?“ Сей спрахъ не совсѣмъ основателенъ. Союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи можетъ всегда ограничивать внѣшнія дѣйствія Франціи и противоборствовать всякому злоупотребленію силы ея. На одной сторонѣ сіи четыре Державы, а на другой Французская Республика, Голландская, Швейцарская и Чизальдинская (прибавимъ къ нимъ еще и Гинпанію), составляятъ по равновѣсію, кощорое нужно для политическаго благосостоянія Европы.

Удалимъ теперь отъ мыслей своихъ все печальное. Небо прояснилось надъ нами;

нѣкоторыя остатки тучь видны еще на горизонтѣ, но мы съ сердечнымъ удовольствіемъ смогримъ на свѣтлыя мѣста его. Австрія отдыхаетъ послѣ кровопролитной войны, и Правительство ея старается ввести во всѣ части государственной системы лучшей порядокъ и согласіе. Нѣмецкіе Принцы надѣялись на слѣдствіе Регенбургскаго Сейма или Амьенскаго Конгреса. Голландія, въ самыхъ революціяхъ спокойная и флегматическая, занимается новыми планами для воскресающей торговли своей и отправляетъ Губернаторовъ въ Африку и въ Америку. Пруссія, Данія и Швеція представляютъ щастливую картину мудраго Начальства и довольныхъ подданныхъ. Россія видитъ на Тронѣ своемъ любезнаго сердцу Монарха, Который всего ревностиѣ желаетъ ея щастія, взявъ Себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основаніемъ государственнаго благоденствія. Всѣ изданные Имъ законы сообразны съ духомъ времени, и служатъ залогомъ Его человеколюбивыхъ намѣреній. — Обращая взоръ отъ сѣвера къ югу, видимъ и тамъ пріятныя дѣйствія надежды. На Альпахъ раздается голосъ, пребудущій воспановленія древней Гельветической свободы, уничтожен-

ной безразсудными Французскими Директорами. Республиканская свобода и независимость принадлежатъ Швейцаріи такъ же, какъ ея гранитныя и снѣжныя горы; человекъ не разрушитъ дѣла Природы, и Бонапарте даетъ Телевымъ потомкамъ волю утвердить судьбу свою безъ всякаго чуждаго вліянія. Чизальпинская Республика, бывъ долгое время подъ опекою, ожидаетъ наконецъ своей независимости и свободнаго политическаго бытія. Многочисленные Депутаты ея, избранные изъ всякаго сословія, Епископы и воины, ученые и купцы, съѣзжаютъ въ Ліонъ, гдѣ Бонапарте вѣспѣлъ съ ними назначить главныхъ чиновниковъ ихъ Республики, и такимъ образомъ довершилъ свое твореніе, которое всегда было особеннымъ предметомъ любви его. Луціанъ Бонапарте, второй братъ Французскаго Консула, человекъ пылкой, умной и краснорѣчивой, будетъ, какъ думаютъ, Чизальпинскимъ Консуломъ или Президентомъ. — Пьемонтъ по крайней мѣрѣ спокоенъ. Судьба его не рѣшена; но вѣроятно, что Франція раздѣлитъ его съ Чизальпинскою и Лигурійскою Республикою. Сія послѣдняя должна опять имѣть своего Дожа; слѣдственно Бонапарте уиѣетъ иногда предпочитать старое новому. Тоскана,

возвышенная имъ на степень Королевствъ, ожидаетъ опъ кропкаго своего Монарха щасливыхъ дней Леопольдовыхъ. — Римскому Понтифу возвращено все, кромъ Лаокона, Геркулеса Фарнезскаго, Бельведерскаго Аполлона и славнѣйшихъ произведеній Рафаелевой кисти, о которыхъ Римъ никогда жалѣть не перестанетъ. — Мы не сказали бы ни слова о бѣдственномъ Неаполѣ, есльи бы онъ, напоминая ужасы, въ то же время не напоминалъ и славной дисциплины шести тысячъ Русскихъ, которые снасли его опъ дальнѣйшихъ изступленій Импаліянскоу злобу. Нещаслива та столица, въ которую Государь не спѣшитъ возвратиться! — Мальта была уже давно забыта Исторіею; но теперь снова займетъ въ ней нѣскольکو сираницъ, бывъ *яблокомъ раздора* между двумя Державами. Ордену возвращается древняя столица его; но вѣрояшно, что въ его Станушахъ будутъ нѣкоторыя перемѣны, и что для увѣнчанія общаго мира Мальтійскіе Кавалеры великодушно согласятся оставить въ покоѣ и самыхъ невѣрныхъ! — Константинополь торжествовалъ побѣды! Еще съ большею радостію должно ему торжествовать миръ, которой служилъ временноу опорой для вешкаго Магометова прона. Любопышно

знать, на что рѣшился теперь Пасван-Оглу, одинъ изъ немногихъ людей въ Европѣ, которые не радуются общему миру! — О Гишпаніи и Португалліи можно сказать единственно то, что первая будетъ зависѣть отъ Франціи такъ же, какъ вторая отъ Англій, съ тою разницею, что Гишпанія хотѣла бы прервать свои узы, а Португаллія защищаетъ ими бытіе свое. *Князь мира*, доказавъ, что онъ можетъ быть и *Княземъ войны*, опдыхаетъ на своихъ лаврахъ и пользуется всею довѣренностію Короля.

Амьенской Конгресъ будетъ въ Исторіи славнѣе всѣхъ Упрехтскихъ и Ахенскихъ Конгресовъ: съ него начинается новая эпоха не только для Политики, но и для самаго человѣчества. По крайней мѣрѣ истинная Философія ожидаетъ хощя сего единственнаго щасливаго дѣйствія ужасной Революціи, которая останется пятномъ осьмага — надсять вѣка, слишкомъ рано названнаго *философскимъ*. Но девятой — надсять вѣкъ долженъ быть щасливѣе, увѣрикъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а Государей въ необходимости благодушельнаго, швердаго, но опеческаго праленія. Сія мысль упѣшипельна для сердца, которое въ самыхъ бѣдствіяхъ чело-

вѣческаго рода находить такимъ образомъ залогъ добра для будущихъ временъ.

Мы желаемъ увѣдомлять нашихъ Читателей о мирномъ благоденствіи Державъ, о полезныхъ учрежденіяхъ во всѣхъ земляхъ, о новыхъ мудрыхъ законахъ, болѣе и болѣе утверждающихъ сердечную связь подданныхъ съ Монархами. Военные громы возбуждаютъ неперпѣливое любопытство: успѣхи мира пріятны сердцу. Оставляя Издавателямъ вѣдомостей сообщать въ отрывкахъ всякаго рода политическія новости, мы будемъ замѣчать только важныя, и *Вѣстникъ Европы* въ продолженіи своемъ можетъ составить избранную библіотеку Литературы и Подписки.

II.

Изображеніе состоянія Французской Республики, представленное Консулами Законодательному Совѣту.

Консулы съ удовольствіемъ представляютъ народу изображеніе состоянія Франціи въ прошедшемъ Республиканскомъ годѣ. Все пріяло видъ новый, какъ внутри, такъ и внѣ. Куда ни обратишь взоръ, вездѣ надежда и шастіе.

Въ западной и южной Франціи посредствомъ учрежденныхъ *грезвычайныхъ* *судилищъ* истреблены ужасные разбои; многіе злодѣи, копорые спаслися, скипающа изъ мѣста въ мѣсто, укрывая во мракъ бытіе свое, и Республика ежедневно избавляется отъ сихъ послѣднихъ оспашковъ мятежной Революціи. Многіе вооружались противъ сихъ судилищъ, боясь, чптобы они не употребили во зло власти своей; но только одно злодѣйство поспрадало отъ нихъ.

Правленіе въ самомъ началѣ объявило свободу вѣры и терпимось. Оно вмѣстѣ съ Папою взяло мѣры, чптобы согласить всѣхъ единовѣрцевъ, и въ то же самое время поручило особенному Члену Совѣта заниматься благомъ другихъ Религій. Разсуждая о семъ предметѣ съ Духовными Лютеранскаго и Реформаторскаго Исповѣданія, онъ (*) собираетъ нужныя свѣдѣнія для общаго устава, копорый утвердитъ навсегда свободу всѣхъ Религій и состояніе Духовныхъ, не оставитъ ничего на произволъ ихъ и не обременитъ казны издержками. Да успокоятся граждане, пустыми слухами встревоженные! Правленіе употре-

---

(*) Порталисъ.

было всё способы примирить сердца, но ничѣмъ не оскорбило правилъ и независимости мнѣній.

Вѣрные чиновники соображались во всемъ съ намѣреніемъ Правленія, и почти вездѣ обнаруживалась ревность съ усердіемъ. Правленіе могло быть спокойно (а спокойствіе есть сила его); оно не сомнѣвалось въ общемъ мнѣніи, и вопрошая его, не боялось отвѣта. Такъ чрезъ наши Департаменты проѣхалъ Государь (*) того поколѣнія, которое нѣкогда царствовало во Франціи; остановился въ столицѣ, былъ со стороны Правленія и гражданъ предметомъ уваженія, которымъ одинъ народъ обязанъ другому въ особѣ его начальника — и никакое *подозрѣніе* не нарушало спокойствія. Иностранцы и враги опечесства признали, что Республика живетъ въ сердцахъ Французовъ, и что она имѣетъ уже *зрѣлость вѣковъ*.

Возвращеніе воиновъ нашихъ было веселіемъ и торжествомъ. Сіи въ сраженіяхъ столь ужасные побѣдители объемяютъ насъ какъ братья и друзья. Щастливые общимъ благомъ, безъ гордости наслаждаются они заслуженною ими

(*) Король Этрурціи.

благодарностию опечесства, и спрожайшею дисциплиною оказывають себя доспойными побѣдъ своихъ.

Война, копорую еще вели мы въ прошедшемъ годѣ, была смѣсью щаспльныхъ и нещаспныхъ случаевъ. Принужденные сражашься съ превосходными морскими силами Англичанъ, наши корабли явились на Средиземномъ морѣ, покрытомъ непріятельскими флотами; на Океанѣ нѣкопорыми дѣлами обновили древнюю славу свою; славнѣйшимъ сопривленіемъ удивили Англичанъ, копорые пришли къ берегамъ нашимъ бышь свидѣтелями своего бѣдствія; и естльи бы война продолжилась, то флоты Республики могли бы загладишь прежнее свое нещаспие и ошибки, копорыя были виною онаго.

Въ Египтѣ *востогная армія* должна была успуцишь болѣе обстоятельствомъ, нежели силѣ Турковъ и Англичанъ. Воины наши оспались бы побѣдителями, естльи бы они дѣйствововали соединенными силами. Наконецъ они возвращающься въ опечесство, и съ пою славою, копорая принадлежишь имъ за чепьре года мужесства и терпѣнія; а въ Египтѣ оспавляють безсмертное воспоминаіе, копорое, можетъ бышь, рано или поздно вос-

креситъ тамъ Искусства и гражданскія учрежденія. По крайней мѣрѣ Исторія не умолчитъ о томъ, что сдѣлали Французы для сообщенія Египту свѣдѣній Европы; можетъ быть назоветъ она потерю Египта новымъ бѣдствіемъ рода человѣческаго. 28000 Французовъ вышли на берегъ Африки; другіе были послѣ отправлены; такое же число возвратилось отсюда въ разное время. Теперь возвращающіяся во Францію 25000, кромѣ чужеземцевъ, съ ними соединенныхъ. И такъ четыре кампаніи, многія сраженія и болѣзни не истребили ни пятой части восточной арміи.

Солдаты, которые ранѣе другихъ начали служить отечеству, получаютъ увольненіе; ихъ должно замѣнить рекрутами девятаго и десятаго года: о чемъ предложенъ будетъ Совѣту особенный законъ. Но Правленіе пребудетъ единственно того числа, которое нужно для дополненія арміи на мирное время. Мы насладимся миромъ, но долго еще бремя войны будетъ чувствительнo въ расходахъ. Чтобы награждать нашихъ защитниковъ, оживить работы въ арсеналахъ и гаваняхъ, возвратить Франціи флоты ея и поправить разрушенное войною, должно умножить доходы. Миръ

конечно умножитъ ихъ; но еспьли они при спрожайшей экономіи будутъ недо-спачочны, по Правленіе предложитъ новые способы, копорыхъ употребленіе можетъ бытъ нужно по обстоятель-ствамъ.

Что касается до нашихъ Колоній, по Гваделупа, послѣ многихъ смяшеній, шеперь снова образована. 15 Главныхъ мяшежниковъ отправлены опшуда на друге острова; во Франціи они могли бытъ опасны. Въ С. Доминго возстано-вленіе порядка сопряжено было съ нѣко-торыми незаконными дѣйсвіями. Пра-вленіе не судитъ спроче, и относитъ двусмысленность на счетъ невѣжества, копорое смѣшало имена и вещи, и въ мнимомъ повиновеніи присвоило себѣ не-должную власть. Армія и флотъ, оп-правляемые въ С. Доминго, скоро разсѣ-ютъ шамъ все облака и совершенно по-корятъ сію Колонію законамъ Республи-ки. На островѣ С. Доминго и Гваделупѣ нѣтъ уже невольниковъ; шамъ все сво-бодны, и останутся свободными. Мар-шаника имѣетъ другія правила; она со-хранила рабство, копорое и должно шамъ оспашься. Упомденное человѣчество не-предриченъ новой революціи. Глана процвѣдетъ еще болѣе, когда соеди-

вились съ нею новая область (*), могущая быть богатую. Иль-де-Франсъ и ла-Реюнионъ сохранили вѣрность къ опечесиву, и будутъ шеперь для него весьма важны.

Казначейство Республики приведено въ лучший порядокъ. Обманы доходили до ужасной крайности. Ложные документы продавались въ Парижѣ; пребывали плашежа за шакія вещи, кошорыя никогда не были пославлены въ казну, и богатство Республики исчезало. Сие гнусное злоупотребленіе прекратилось. — Аѣса, главная драгоценность Республики, ввѣрены шеперь благоразумному Начальству.

Народное ученіе въ Парижѣ и въ нѣкошорыхъ Департаментахъ имѣетъ успѣхи, но въ другихъ совсѣмъ не существуетъ. Ештли не переменимъ бывшаго въ семъ порядка, то свѣдѣнія останутся только въ немногихъ частяхъ Республики, а во всѣхъ другихъ будетъ царствовать невѣжество и варварство. Правленіе занимается шеперь учрежденіемъ начальныхъ и второстепенныхъ школъ. Сверхъ того заведено будетъ 50 вышнихъ училищъ или Лицеевъ въ Республикѣ, гдѣ опечесиво будетъ учить

(*) Уступленная Португаллією.

и содержать 6000 питомцевъ. 3000 изъ нихъ должны быть дѣти воиновъ или другихъ заслуженныхъ Республиканцевъ ; а другіе 3000 изберутся изъ учениковъ школъ второкласныхъ. Всѣ Департаменты могутъ посылать въ Лицеи молодыхъ людей для республиканскаго и благонаправнаго воспитанія. На содержаніе Лицеевъ, и еще самыхъ вышшихъ или частныхъ школъ, опредѣляется ежегодно 6 милліоновъ ливровъ.

Во многихъ Департаментахъ нѣтъ уже нищихъ. Парижъ украшается, и пруды особеннаго общества доставятъ ему здоровую воду, которой не имѣлъ онъ донинѣ. — Правленіе всячески будетъ способствовать успѣхамъ художествъ и торговли.

Что принадлежитъ до нашихъ внѣшнихъ связей, то Правленіе не опасается всенародно объявить своихъ мыслей и расположеній. Вѣрность къ союзникамъ, уваженіе къ ихъ независимости, откровенность противъ непріятелей, были его Политикою. Батавія утверждала, что ея гражданское образованіе не соответствовало ея истинной пользѣ. Правленіе думаетъ, что всего вреднѣе перемѣнять уставъ государствъ ; и напоминало сіе правило

Батавской Директоріи, когда она требовала его согласія на перемиѣну. Народъ Голландской принялъ новое уложеніе: Правленіе долженствовало уважить волю независимаго народа.

Гельвеція въ теченіе девятиаго лѣта представляла картину народныхъ раздоровъ, и всякая сторона требовала защиты нашего оружія. Французскому войску велѣно возвратиться въ отечество; только 4000 остались въ Швейцаріи, и единственно для того, что всѣ мѣстныя начальства желали ихъ присутствія. Нѣсколько разъ Гельвеція предлагала Консулу новые планы успавовъ, и требовала совѣтовъ его; онъ всегда напоминалъ ей независимость ея. „Не забывайте, говорилъ онъ, храбрости и великодушія опцевъ вашихъ; сообразите ваше учрежденіе съ простотою ихъ нравовъ. Подумайте о разныхъ вѣраxъ, языкахъ, долинахъ и горахъ, раздѣляющихъ Гельвецію: все сіе должно означиться въ вашемъ политическомъ уставѣ. Сохраните свободу того народа, который умѣлъ быть образцемъ для другихъ!“ Таковы были совѣты его; но ихъ слушали холодно. Гельвеція осталась въ бурѣ безъ кормчаго. Министръ Республики хотѣлъ быть только при-

миришелемъ несогласныхъ, и Генераль войска нашего отказался помогать частнымъ намѣреніямъ.

Чизальинія и Лигурія наконецъ рѣшишельно утвердили политическіе успавы свои. Обѣ спрашався, чтобы первое избраніе чиновниковъ не возбудило вражды и зависти. Онѣ, казалось, желали, чтобы самъ Первый Консуль назначилъ чиновниковъ. Онъ постарается согласить желаніе сихъ двухъ Республикъ, любезныхъ Франціи, съ священными обязанностями мѣста его. — Лукка пострадала за вины свои, которыя возружили противъ нее народъ Французскій, и теперь занимается рѣшишельнымъ своимъ образованіемъ.

Король Эпрури, спокойный на шествіи своемъ, признавъ великими Державами, и скоро всѣми будетъ признавъ. 4000 Французовъ оберегають Ливорну, и выступяшь, какъ скоро образуется Королевская армія.

Пьемонтъ составляетъ нашу двадцать-седьмую военную дивизию, и подѣ крошкимъ правленіемъ забываетъ бѣдствие долговременнаго безначалія.

Свяшій Отець, Государь Рима, владѣеть всѣми своими обласіями. Ему возвращены мѣста Мизаро, Фано и замокъ

Св. Леона, которые заняты были Чизальпинскими войсками. 1500 Французовъ еще въ Анконѣ, чтобы хранить сообщеніе съ арміею въ южной Италіи.

Послѣ Люневильскаго мира Франція могла бы всѣми силами напасть на королевство Неаполитанское и опустить Королю за то, что онъ первый нарушилъ трактаты и разнымъ образомъ оскорблялъ Французовъ. Но Правленіе считало возможность мести уже самою местию; оно чувствовало только желаніе мира, и преобладало единственно гаваней, которыя были нужны ему для Востока, съ того времени, какъ Англичане взяли Мальшу.

ПАВЕЛЪ I любилъ Францію; Онъ хотѣлъ мира для Европы и свободы морей. Великая душа Его пронулась миролюбивыми чувствами, которыя объявилъ ему Первый Консулъ. Успѣхи наши и побѣды пріятно занимали Его вниманіе. Опъ сего произошла начальная связь Его съ Республикою. 8000 Рускихъ были у насъ въ плѣну; тогдашнее Англійское Министерство не хотѣло обмѣнять ихъ на Французскихъ плѣнниковъ. Правленіе, пронутое сею несправедливостию, возвратило храбрыхъ Россіянъ, оставленныхъ союзниками, ихъ опеческву; воз-

вращило такимъ образомъ, который достоинъ былъ Республики, Императора и славныхъ Его воиновъ. Отъ сего произошла еще пѣснѣйшая связь.

Вдругъ соединяются Россія, Данія, Швеція и Пруссія, чтобы возстановить свободу морей. Прусскія войска занимаютъ Ганноверъ. Великіе, обширные планы готовы; но смерть Императора пресѣкла ихъ дѣйствіе.

Баварія спѣшила возобновить союзъ свой съ Франціею. Сей для насъ важный союзникъ лишился владѣній на лѣвомъ берегу Рейна; желаніе и польза Франціи состоятъ въ томъ, чтобы Баварія на правомъ берегу получила справедливую и совершенную замѣну.

Въ Регенсбургѣ происходятъ великіе споры объ исполненіи Люневильскаго трактата; но сіи споры не касаются непосредственно до Республики. Если она беретъ въ нихъ участіе, то дѣйствуетъ единственно по силѣ седьмого отдѣленія Люневильскаго трактата, который обязываетъ ее имѣть попеченіе о справедливыхъ замѣнахъ и надлежащемъ равновѣсіи въ Германіи.

Миръ съ Россіею подписанъ, и впрямь ничто не можетъ разрушить, связи между двумя великими народами, которые

имѣютъ сполько причинъ любить (и не имѣютъ ни одной бояться) другъ друга, и которые посланаены судьбою на двухъ концахъ Европы, чптобы образовашь равновѣсїе сѣвера и юга.

Возвращаясь къ истинной пользѣ и склонности своей, Порша снова нашла въ Республикѣ древнѣйшаго и вѣрнѣйшаго союзника. — Съ Американскими Областями всѣ зашрудненїя рѣшены дружельюбно.

Наконецъ мирныя предварительныя условїя съ Англією размѣнены. Сей миръ долженствовалъ бытъ дѣйствїемъ долговременныхъ переговоровъ, подкрѣпляемыхъ такою системою войны, которая, будучи медленною въ своихъ приготовленїяхъ, грозила непрѣшелью вѣрными гибельными слѣдствїями. Уже почти всѣ союзники оставили Англію. Гинноверъ, единственное владѣнїе Государя ея на северной землѣ, былъ въ рукахъ Пруссїи. Порша, спрашася дѣйствїя нашихъ силъ на берегахъ Адриатическаго моря, вступила въ *особливые переговоры.*

Поршугаллія опасалась еще Англіи. Находясь издавна подъ влїянїемъ исключительной торговли Англичанъ, она была въ самомъ дѣлѣ провинцією Великобританїи. Въ Поршугалліи долженство-

вала Гишпанія искапъ замѣны за островъ Св. Троицы. Но въ самое то время, когда началась война, Гишпанское Министертво заключило *особенный* миръ въ Бадайосѣ. Съ сей минуты Гишпанія должна была предвидѣть поперю своего острова. Съ сей минуты Англія признала его владѣніемъ, ею пріобрѣщеннымъ, и рѣшилась удалитъ отъ переговоровъ все то, что дѣлало возвращеніе его вѣроятнымъ.

Еще прежде разиѣна мирныхъ трактатовъ съ Португалліею, Правленіе уведомило Мадридскій Кабинетъ о семъ рѣшеніи Англіи.

Съ такою же непоколебимостію Англія хотѣла имѣть Цейланъ. Но Батавская Республика найдетъ во многихъ владѣніяхъ, ей возвращаемыхъ, способъ воскреситъ торговлю и силу свою.

Франція спаралась о пользѣ союзниковъ, какъ о своей собственной; она пожертвовала имъ большими особенными для себя выгодами; но Франція должна была остановиться на шочкѣ, за копорю возможность мира исчезала. Испощенные ея союзники не могли помогать ей въ продолженіи войны; и владѣнія, копорыхъ они лишаются, не равнялись съ опасностями новой кампаніи и съ новыми бѣдствіями для человѣчества.

Такимъ образомъ Республика во всѣхъ частяхъ міра имѣетъ только друзей и союзниковъ, и вездѣ торговля и промышленность ея обращаются на прежній путь свой.

Во все время переговоровъ нынѣшнее Англійское Министертво доказывало свое искреннее желаніе окончить ужасы войны. Англійской народъ принялъ миръ съ живѣйшею радостію. Уже нѣтъ злобы совѣспниковъ; оспаеется одно соревнованіе въ великихъ дѣлахъ и полезныхъ предпріятіяхъ.

Честполюбіе Правленія соспоало въ томъ, чтобы ввести Францію въ ея должныя отношенія со всѣми народами; оно поставитъ славу свою въ томъ, чтобы сохранить дѣло свое, и продолжить миръ, который будетъ щасіемъ для Республики и для всего человѣчества.

(Подпис.)

Бонапарте.

III.

С м ѣ с ь.

Всѣ мирные тракіпаты Англіи въ 18 вѣкѣ показываютъ умѣренность ея Министертва. Гишпанская наслѣдственная война кончилась въ 1713 году для нее тѣмъ, что она взяла голую скалу (Гибралтаръ), неважной островъ (Минорку) и пустую землю въ сѣверной Аме-

рикѣ. Австрійская война не принесла ей ничего, а стоила 50 милліоновъ фунтовъ сиперлинговъ. Послѣ семилѣтней она возвратила большую часть своихъ завоеваній въ трехъ частяхъ свѣта; а что удержала за собою, то должна была уступить при концѣ Американской войны въ 1785 году.

Франція въ прошедшемъ вѣкѣ воевала 48 лѣтъ.

Говорятъ, что Питъ и Аддингтонъ уже несогласны въ политической системѣ Англійскаго Правленія: первый хочетъ спротоупи, а второй свободы. Г. Каннинъ приспупаетъ къ Питу, чтобы онъ оставилъ Министровъ, которые дружатся теперь съ Фоксомъ и съ Тирнеемъ. Говорятъ даже, что Тирней, Фоксъ и Грей войдутъ въ Министерство.

Неаполитанская Королева покупаетъ земли въ Венгріи, и не хочетъ возвратиться въ свое Королевство.

Когда Лордъ Корнваллисъ былъ въ Парижской Оперѣ, лучшая пѣвица оборотясь къ его ложѣ, пѣла куплетъ такого содержанія:

*Республика и Альбионъ (*)
Готовитъ міру дни золотые:
Когда совжѣстники такіе*

(*) То есть, Англія.

*Пріежлютъ дружество въ законъ,
Чего тогда страшиться жиру?*

*Таблица умноженія морскихъ силъ
Британніи.*

Боч. (*). - Оф. и мастр.

Морскія силы, высланныя Королевою Елисаветою въ 1588 году противъ непобѣдимой Гишпанской Армады состояли изъ 51,985. - 15,272.

При Вильгельмѣ III въ 1686 году было - 101,052.

Въ 1704 году, черезъ 2 года по восшествіи на престолъ Королевы Анны, 104,745. - 41,000.

Въ 1727 году при Георгѣ II. , - - - 170,862.

Въ 1760 году, въ началѣ царствованія Георга III. 500,416.

Въ 1800 году. - 790,950. - 150,000.

И такъ въ правленіе нынѣшняго Короля силы Англичанъ умножились 490, 454 бочками, и 89,000 мастрозовъ и Офицеровъ.

(*) Бочка содержишь въ себѣ обыкновенно 200 фуншовъ груза, или 20 центнеровъ.